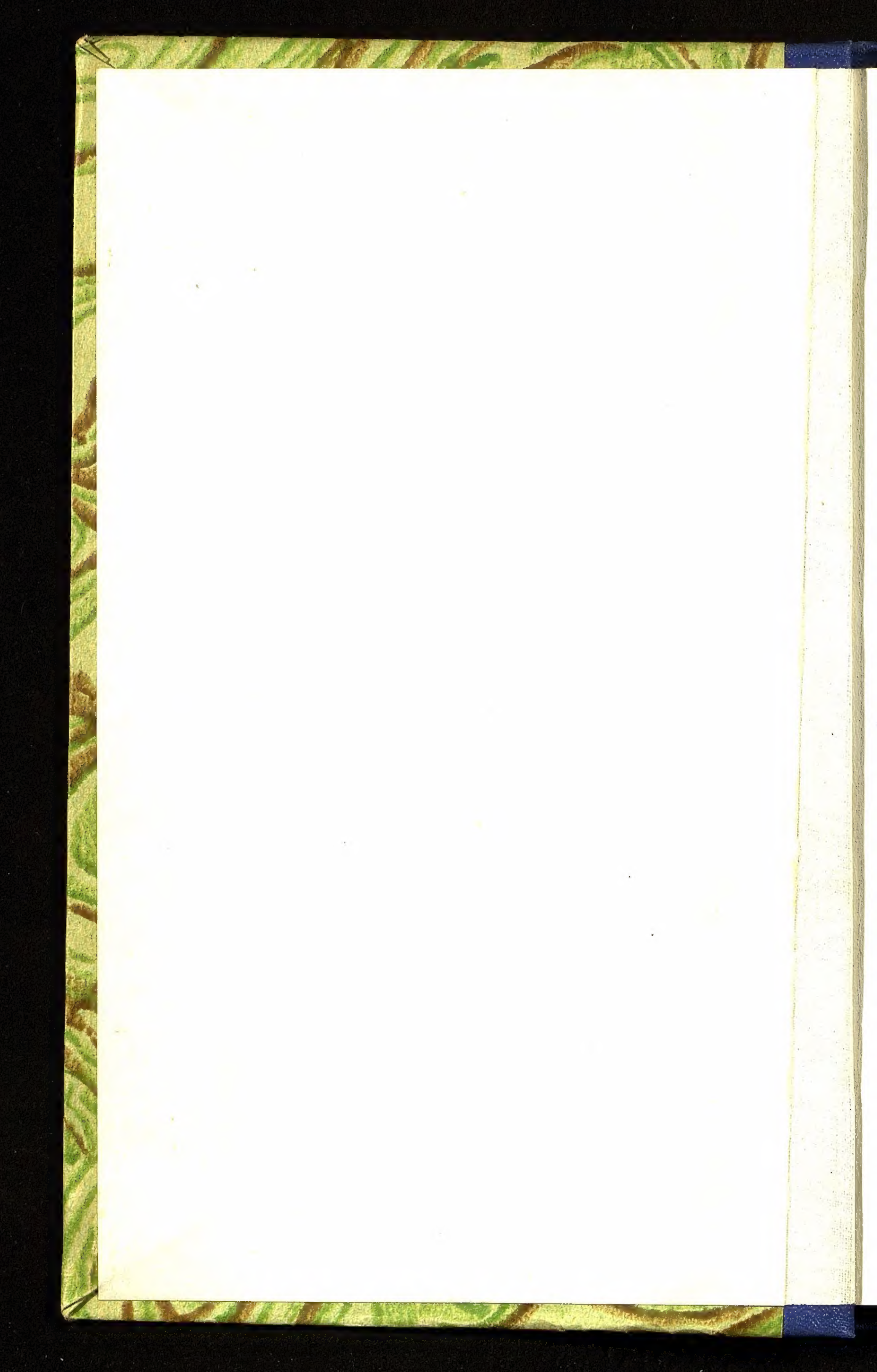
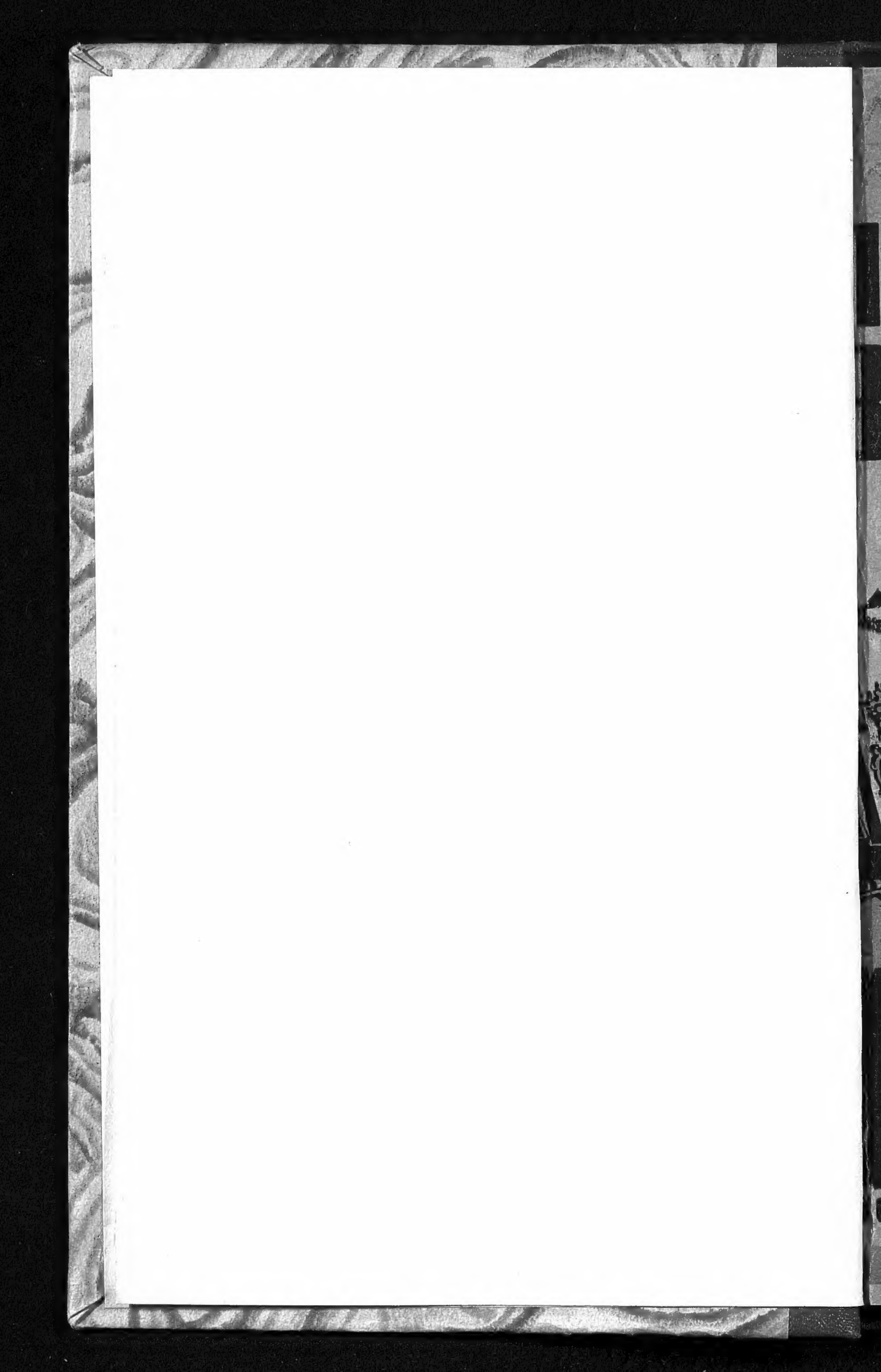
Кирш
Под са-
погом
Вильгельма

М-1925-Л

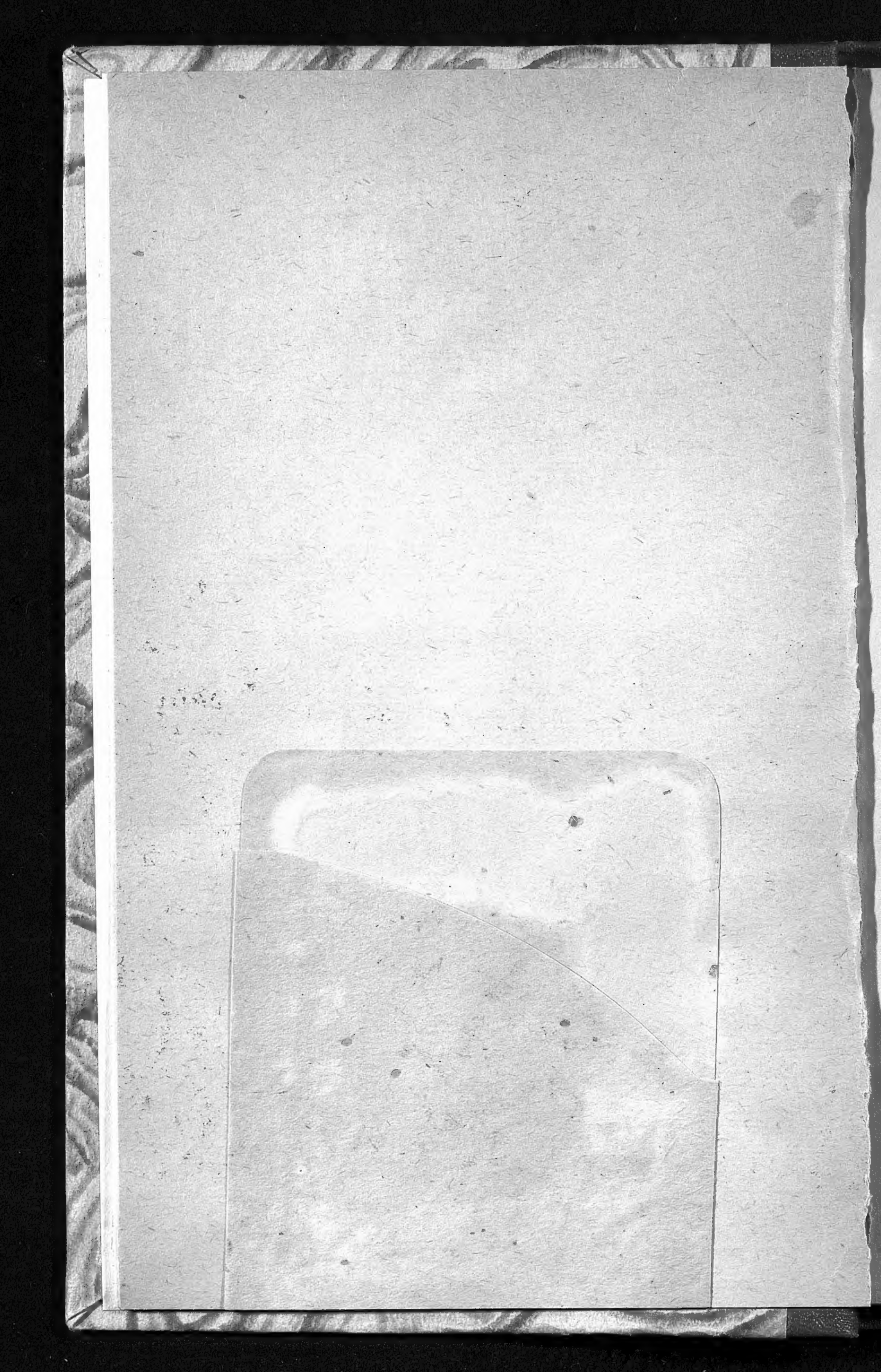

Ю. КИРШ

ПОД САПОГОМ ВИЛЬГЕЛЬМА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1925

Ю. КИРШ

ПОД САПОГОМ ВИЛЬГЕЛЬМА

(ИЗ ЗАПИСОК РЯДОВОГО ВОЕННОПЛЕННОГО № 4925)

1914—1918 гг.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1925 ★ ЛЕНИНГРАД

СРОК ВОЗВРАТА КНИГИ.

Гиз № 9747. АП. № 198. Главлит № 37894. Напеч. 5.000 экз.

1-я Образцовая типография Госиздата. Москва, Пятницкая, 71.

Всем погибшим под железной пятой империализма, умершим от голода и болезней в условиях ужасного германского плена, посвящаются эти записки.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

В МАРШЕВОЙ РОТЕ.

Октябрь 1914 года приближался к концу.

Наш запасный полк находился в Красном Селе. Ежедневно гоняли на стрельбу и со дня на день ожидали отправки на фронт. Настроение у всех было подавленное. Осеннее петербургское небо усугубляло общую апатию.

Целыми днями моросил дождик. Повсюду непролазная грязь. В бараках холодно. Спали на голых нарах. Накрывались старыми дырявыми шинелями. Ни одеял, ни обмундирования не давали, — берегли, будто бы, для фронта.

Кормили плохо, но этого многие не чувствовали, — почти у всех еще были кое-какие деньжонки. Ведь, был только третий месяц после мобилизации. Уничтожали целые корзинки булок. Иногда для «озорства» просто брали «на ура» корзины баб, продававших булки, но это нисколько не мешало последним продолжать торговлю и на следующий день.

Ежедневно читали газеты. Единственно, что интересовало аудиторию, — это, скоро ли кончится война. Победы, поражения как-то проходили незамеченными.

Несмотря на строжайшее воспрещение, по воскресным и праздничным дням большинство уезжало в Петербург, уходило в город. Начальство знало, но смотрело на это сквозь пальцы. Неудобно было, вообще, принимать репрессивные меры, так как впереди были маршевая рота, фронт. Кроме того, все низшее начальство — фельдфебеля, прапорщики были из запаса; не так скоро усваивали военную дисциплину, а большинство просто боялось, поговаривали, что на фронте солдаты жестоко расправляются с насолившими им офицерами.

Был воскресный вечер. Только-что приехали из Петербурга и пили в бараке чай. Вдруг перед нами как из-под земли (в бараке было темно) вырос взводный с малюсеньким кусочком свечки и стал выкрикивать фамилии. Окончив чтение, буркнул себе под нос:

— Вызванные, марш в ротную канцелярию, — завтра утром в маршевую роту!

Началась сутолока, какая возможна была только в царской казарме. Целую ночь нас одевали, снаряжали, выплачивали «жалованье» — 45 коп. в месяц. В 7 часов утра уже нас выстроили на площади. Только-что стало светать, но кругом было светло, — ночью выпал первый снег.

На площади простояли до 12-ти часов. Ждали полкового командира. Наконец, тот пришел; обошел все ряды, скомандовал, и мы двинулись на вокзал. Там снова пришлось ждать — не были поданы вагоны. Наконец, дождались. Стало уже смеркаться, когда сели в теплушки.

Повсюду шел горячий спор о том, в какую сторону нас повезут. Все время мы ничего не знали, куда нас направляют. Хотя ясно было, что едем на фронт, но неопределенность во многих порождала надежду на то, что нас отправляют на охрану одной из крепостей финляндского побережья.

Сомнения разрешились поздно вечером, когда поезд стал двигаться в сторону Пскова. Где-то кричали «ура», пели, но в общем было тихо.

Поезд мчал нас день, два. С вокзалов кричали «ура», махали платками, старушки плакали. В некоторых вагонах кричали «ура»; на третий - четвертый день все это надоело. Иссяк минутный патриотизм. Навстречу стали попадаться поезда с ранеными; с приближением к польской границе в воздухе уже стало пахнуть войной, войной настоящей.

Без всякой остановки в Варшаве нас двинули к г. Блоне. Дальше Блони была уже разрушена железная дорога, и поезда не ходили. Из Блони двинулись в Сухачев уже пешком.

Дело было после немецкого отступления и битвы под Варшавой. Повсюду виднелись окопы, кое-где видны могилы

павших. Разрушенные артиллерийским огнем польские деревни, сожженные хаты производили мрачное впечатление.

Мы шли день, шли два, — картина не менялась. Повсюду те же следы разрушения. Никто из нас не знал, куда нас ведут, что с нами будут делать. От непривычки вечером болели ноги. Почти не кормили. Негде и нечего было купить. Стали выбиваться из сил. Появились больные. Были отставшие.

На шестые сутки ходьбы к вечеру узнали, что полк, к которому причислена наша маршевая рота, уже недалеко. Обрадовались. Конец будет скитаниям.

Но наша радость была преждевременной. Солнце уже село, стало темно, но мы шли и шли. Проходили через имения польских магнатов. По обеим сторонам дороги поднимались высокие серебристые тополи. Было тепло, кости ныли, хотелось броситься на холодную осеннюю землю и уснуть хоть на минутку.

Стало уже совершенно темно. Надвинулась черная ночь. Приходилось шагать наугад. Уже казалось, что наш путеводитель сбился с пути, как тут же рядом на небе появились длинные светлые пальцы, — это были лучи прожектора. Ожидая маршевую роту в полку, куда мы направлялись, в штабе распорядились окинуть взором прожектора окрестность и проведать, нет ли нас где-нибудь поблизости. Лучи скоро нащупали нас, и, освещаемые ими, мы быстро вошли в имение, где находился штаб полка.

На ночь расположились в сарае и чувствовали себя на девятом небе, так как не надо было двигаться ночью по неведомым дорогам разрушенной Польши.

В ПОЛКУ.

Полк оказался 87-м Нейшлотским.

Утром распределили по ротам. Я с группой товарищей-латышей попал в 11-ю роту. Стали знакомиться с полковой жизнью.

С самого утра толпились вокруг нас, «новичков», старые солдаты полка. Рассказывали о прошлых боях. Полк участвовал в нескольких сражениях, был разбит и теперь пополнялся.

Нас осыпали вопросами про войну, скоро ли мир, как в России, какого мы призыва, и т. д. В полку со дня выступления не получали писем, не читали газет. Никто ничего не знал. Теперь только мы поняли, куда попали. Настроения по сравнению с красносельскими были более апатичные. Все ждали мира и были уверены, что через несколько месяцев уже будем дома. На чем основывались подобные предположения, — трудно сказать. Большие надежды возлагались на союзников, Германию считали почти уже разбитой. Причины войны об'ясняли кровожадностью Вильгельма. Условия в полку и в армии вообще были таковы, что думать о какой-либо работе, политическом просвещении не приходилось. Было мрачно до жуткости. Казалось, мир окутывала все больше и больше тьма беспросветная.

Никто не знал, что будет завтра. Пошлют ли в передовые ряды, либо куда-нибудь на охрану, — решали догадками.

День прошел незаметно в одних опросах. Записывали фамилию, имя, отчество и т. д. в батальонной канцелярии, ротной, наконец, взводный в своей записной книжке.

Солдаты жили довольно привольно. Здесь уже не было той дисциплины, что в тылу, да и здесь не от кого было солдат-то беречь. Польский крестьянин такой же темный, — разве от него? Но он никакой заразы из себя не представлял.

Вечером всех поразила неприятная новость. На проверке заявили, что завтра выступаем в поход. Этого никто не ожидал. Полк был разбитый, надо было его по существу переформировать, срастить старых с молодыми, но, видно, это не принималось во внимание.

Рано утром, задолго еще до рассвета в сараях раздалась команда: «Вставай!». Из всех углов потянулись серые тени. Собрались. На улице простояли до рассвета. Ругались «на чем свет стоит». Досталось всем, благо было темно, а по голосу — народ чужой, — не узнаешь, кто говорит. Трудно было понять, для каких целей защиты «отечества» нас надо было выгонять так рано и мариновать на улице.

Началось «кругосветное» путешествие. Двинулись мы по направлению к Калишу. Прошли несколько дней и но-

чей. Гнали нас во-всю. Раз поздно вечером пришли в деревню. Разместились. Частью легли. Вдруг команда: «Вставай!». Переполошились. Еще вечером где-то бухали орудия и на самом горизонте краснело зарево, — это горели польские хаты.

Нас вывели куда-то за деревней на широкое поле, где и простояли мы до утра, слушая, как вдали бухали орудия, а зарево поднималось все выше и выше по горизонту.

Утром на рассвете двинулись по направлению к Лодзи. Ноги подкашивались. С самого утра моросил дождик; грязь прилипала к ногам. Приходилось питаться одними сухарями. Правда, за ротой все время следовала кухня, но она отставала ровно на сутки, так что она кормила всех, кроме солдат нашей роты.

Проходили по холмистой местности. Поля чередовались с перелесками. Шли в боевой готовности, — с разведкой, дозорами. Ходили слухи, что немцы где-то прорвали фронт, и нас гонят на затычку.

К вечеру мы окончательно выбились из сил. Многие стали отставать; их просто подгоняли нагайкой; точь в точь как гонят скот на скотобойню. Орудийный гул слышен был уже отчетливее.

Надвигались сумерки. Наши ряды естественно стали редеть. Появились больные — действительные и мнимые. По шоссе проехал артиллерийский дивизион. Он расстроил наши ряды. В темноте все спуталось. В чужих людях трудно, невозможно было сохранить связь, и смертельная усталость взяла свое. Разбрелись кто куда. Когда проехал дивизион, снова вышли на шоссе. Наша группа попала не только не в свою роту, но и в совершенно чужой полк. Было так темно, что в двух шагах нельзя было различить человека. По шоссе двигались люди машинально, инстинктивно стремясь вперед и вперед. Знали ли эти людские массы, куда они идут? Нет. Брели, как бредут овцы поздней осенней порою, ища свободного местечка, где бы можно было прилечь и вздремнуть. И люди были настолько уставшие, что еще днем на привале садились в дождевые лужи, — где кому и как пришлось.

Так как по обеим сторонам шоссе все время тянулись деревушки, то найти сарай не представляло большого труда.

Посчастливилось набрести на сарай, наполненный соломой. Но, к нашему удивлению, в сарае полным-полно было людей. Кое-как отыскали свободное местечко и повалились, как убитые.

Сколько было времени, когда проснулись, не знали. Был только день, и сквозь щели сарая просвечивали лучи солнечного дня. В сарае уже никого не было. Значит, мы и не слышали, как вставали и уходили наши товарищи.

Это многих несколько озадачило. Были все новички в «военном деле». По шоссе непрерывной вереницей тянулись солдатские массы. Это уже проходили другие полки. Близился полдень.

Кто-то из нашей группы успел сбегать в хату и притащил оттуда кринку молока и буханку хлеба. Кое-как наспех позавтракали и двинулись отыскивать полк.

После долгих исканий и расспрашиваний удалось определить направление, которого нам приходилось придерживаться. К вечеру мы, действительно, были уже в своем полку, а там и в своей роте. Оказалось, что полк только-что стал собираться, и мы были если не первые, то и не последние. Уставшие и измученные солдаты ночевали кто-где и теперь собирались вместе.

Орудийная пальба к этому времени стала уже стихать. Вдали шла оружейная стрельба, где-то чуть-чуть слышно трещал пулемет. Мы находились уже в полной боевой обстановке.

В предвидении боя, поляки покидали деревушку, где размещался наш батальон. Мычали коровы, ржали лошади, плакали дети, рыдали женщины. Крестьяне с наполненными разным скарбом телегами оставляли родное пепелище и направлялись, сами не зная куда.

Солнце близилось к закату. Из штаба прискакал вестовой с приказом быть в боевой готовности и занять позиции.

Мы этого ждали и двинулись.

НОЧЬ СКИТАНИЙ.

Наш батальон расположился на опушке леса. Чего-то ждали. Позиций не занимали. Недалеко, в нескольких вер-

стах трещал пулемет, изредка тут же рядом раздавались пушечные выстрелы.

Наши санитары готовились к работе. Устраивали носилки. Бегали. Полошились. Во всем батальоне чувствовалось напряженное состояние. Так бывает всегда, когда после некоторого периода передышки приходится принимать бой.

Из-за леса показался отряд казаков. Оказалось, это об'езжал роты и батальоны бригадный командир генерал-майор Шишкин. Генерал был уже стар, и с первого взгляда бросались в глаза его растерянность и беспомощность. Он созвал вокруг себя всех ротных командиров и отдавал вместе с полковым командиром какие-то распоряжения. Когда вернулся к нам ротный и передал, что придется сейчас же пойти в контр-атаку, нам была понятна растерянность старика.

Рассыпались в цепь и вошли в лес. После минут десяти ходьбы впереди себя увидели поляну. Только теперь мы видели, что через поляну к нам в лес перебегают в беспорядке с оружием и без оружия солдаты. Было ясно, что они выбиты из позиций и отступают в беспорядке.

Кто-то выругался на нашему адресу, что мы стали в лесу и не пошли им на помощь. Бегущие скрылись в лесу, и мы очутились на передовых позициях.

Стало темнеть. Пулемет перестал трещать. Видно, немцы удовлетворились достигнутыми успехами и решили вперед не продвигаться.

Получив распоряжение, мы стали окапываться. С поляны дул холодный осенний ветер. Когда стемнело, стал большими хлопьями падать снег, сначала редко, но потом все чаще и чаще. И скоро земля покрылась белым саваном. Когда снег перестал падать, стало светлее. Была уже ночь.

Лежа в окопах, можно было хорошо видеть поляну. Ждали какой-либо команды по цепи, но было тихо. Решили, что немцы ночью не будут наступать. Однако, все же хоть что-либо мы должны были узнать про дальнейшие действия.

Ждали полчаса, час. Никаких распоряжений не последовало. Снег пошел снова. Не отступила ли наша часть

на следующие позиции? Стали выяснять по цепи, чем вызвано молчание. Но из этой попытки ничего не получилось. Тогда кто-то пополз по цепи и установил, что, кроме нашего взвода, в окопах уже никого нет. Одни мы были в лесу.

Так как мы занимали самый левый фланг в цепи, то оказалось, что одним из наших товарищей во взводе не была передана дальше налево команда. Товарищ прослушал, — он был полуглухой.

Что было делать? Ночь. Снег продолжал падать. Никто из нас не ориентировался в местности. Где немцы, в какую сторону отступала наша часть, — трудно, невозможно было сказать.

Хорошо, что с нами еще был взводный командир — старый солдат и боевик. Он не растерялся.

Снег опять перестал падать. Стало светло. Можно было видеть и чувствовать ногами, что земля покрылась довольно толстым слоем осеннего снега.

Вылезли из окопов. Собрались в кучку. Было нас человек 20. Решили отыскать ушедший батальон. По всем доводам наша часть могла только отступить. Поэтому двинулись туда, откуда вечером рассыпались в цепь.

Было тихо. В лесу трещали сучья под ногами, хрустел снег, и на плечи, на голову падали с деревьев большие снежные хлопья. С величайшими трудностями пробирались по лесу. Пока все держались кучкой, особенно мы, новички.

Шли долго. Стали уставать ноги. Плечи ныли от ружья, патронов и ранца. Так хотелось броситься на мокрую, покрытую снегом землю и заснуть крепким непробудным сном, каким могут спать только до смерти уставшие солдаты.

Лес понемногу стал редеть. Попадались лужайки. Наконец, вышли в поле. Но это не было уже то поле, где мы были накануне и откуда двинулись в наступление. Повидимому, в лесу сбились и вышли несколько в сторону.

Ничего другого не оставалось делать, как итти дальше по полю, надеясь, что нас встретит хоть кто-нибудь, безразлично, — немцы или свои. Патриотические чувства в нашей роте не особенно были развиты. Наоборот, скорее преобладало пораженчество. Взводным был рабочий с одного

из рижских заводов, солдаты — самая разношерстная публика.

Когда вышли в поле, стало еще светлее. Теперь только мы увидели, что находимся на открытой равнине, которую со всех сторон окаймляет лес. По крайней мере, нам так казалось.

Впереди мелькнул огонек. Обрадовались. Встретим хоть живую душу. Пошли по направлению к огоньку.

Шли опять долго. Огонек то отдалялся, то приближался. Вспомнились огоньки Короленко. Но, ведь, то было на сибирской реке, здесь же обыкновенная польская равнина. Там — цель жизни, здесь — империалистическая война, впереди смерть от шальной пули.

Впереди стал уже оттеняться лес. Огонек превратился в пылающий костер. Кто-то из нас удивился, что в такую ночь нашлись люди, которые имеют счастье греться около костра.

Подошли ближе. Уже вырисовывались силуэты, и стало видно, что вокруг костра грелась кучка людей. Счастливцами оказались не кто иные, как прифронтовые дезертиры, которые неделями и месяцами бродили кругом да около, то отставали, то приставали к полкам в поисках своей части, пока, наконец, не попадали в плен.

По нашему адресу греющиеся около костра пустили несколько ядовитых замечаний. Однако, от одного, который сидел поодаль, удалось разузнать, что за лесом опять начинается поле, а там — какая-то деревня.

Больших усилий стоило пробраться через лес. За лесом, действительно, началось поле. Взошла луна. Недалеко виднелась деревня, куда мы и направились.

Деревня была небольшая. По обеим сторонам улицы тянулись хаты. Кругом была такая тишина, что, казалось, мы попали на мертвый остров. То там, то здесь около хат стояли военные повозки. Лошадей не было. Около повозок и под ними лежали окутавшиеся палатками человеческие фигуры. Их покрывал толстый слой снега, видно было, что они лежат здесь с вечера — утомленные, измученные долгими переходами.

По улице нам навстречу подвигался человек. Он оказался вестовым и искал штаб дивизии, который располо-

жился в этой же деревушке. Вестовой и указал нам, где расположился наш полк, — он как-раз был из штаба полка. По его словам, нам надо было пройти версты две-три, чтобы попасть в деревню, которую занимала какая-то часть нашего полка.

Месяц освещал покрытую снегом равнину. Итти было уже легче.

Близилось утро, когда мы достигли указанной деревни. Там мы узнали, что наш батальон только-что оставил деревню и занимает на холме позиции.

Через некоторое время мы были на месте. В роте про нас и забыли. Было так много людей, что пара десятков не имела значения.

Стали раздаваться отдельные выстрелы. Одна, другая пуля со свистом проносилась в воздухе. Мы опять были на передовых позициях.

НЕУДАВШАЯСЯ АТАКА.

По цепи передали, что надо окапываться. Молча, как кроты, стали углубляться в землю. Окапывались без всякого определенного плана, кто как умел.

Однако, скоро оказалось, что цепь заняла неправильное направление, и нас выстроили по-другому. Снова стали окапываться. Но опять выяснилось, что и вновь взятое направление не соответствовало положению. Пришлось снова перемен ть направление и рыть новые окопы.

Пока нас выравнивали, и мы понапрасну теряли время на окапыванье, стало светать. Оказалось, что немцы были шагах в ста от нас. Они не могли не услышать нашего стука лопат по камням и, ясно, с рассветом были наготове.

Выстрелы стали учащаться. Нам уже трудно было окапываться. Надо было приложить все усилия, чтобы углубиться в землю и встретить утро во всеоружии. Было ясно, что утром начнется артиллерийская канонада.

Страшно хотелось есть. Само собой понятно, что кухня нас так и не нагнала. Пришлось довольствоваться промокшими сухарями.

Когда уже стало совершенно светло, недалеко от нас послышалось протяжное «ура»... Это ходил в атаку наш

соседний Петровский полк. По цепи передали, что мы, т.-е. Нейшлотский полк, должны пойти ему на поддержку.

Выползли из окопов и пошли. Так как было светло, то немцы сейчас же заметили нас и открыли бешеный ружейный и пулеметный огонь. Мы легли и стали ползти. Кое-как проползли несколько десятков шагов. Петровцы не выдержали и стали отступать. Так как мы их поддерживали с фланга, то и нам не оставалось ничего другого, как вернуться в свои окопы.

Немцы все время действовали убийственным огнем. Было уже много раненых. Со всех сторон слышались крики, проклятья и стоны умирающих.

Стрельба со стороны немцев скоро прекратилась. На минуту наступила тишина. Было ясно, что это затишье перед грозой. Так оно и было.

Едва мы успели прийти в себя, как уже немецкая артиллерия открыла ураганный огонь по нашим окопам. На скорую руку выстроенные укрепления стали сравниваться с землей. И как-то естественно, незаметно для себя, мы оставили свои наспех сооруженные позиции и волной потекли назад, в следующие, казалось бы, более прочные окопы, но там уже никого не было. Инстинктивно, либо по приказу, наши резервы отступили. Нам не оставалось ничего более, как следовать их примеру. И мы побежали.

Немецкая артиллерия продолжала осыпать нас шрапнельным огнем. Пулеметы работали во-всю. Мы бежали. Вслед за нами продвигалась немецкая колонна. Кругом падали убитые, раненые. Не было уже никого жалко. Не чувствовалось и страха. Как мячи, мы падали на землю, в окопы, поднимались, выползали и бежали дальше.

Наконец, мы опустились в долину. Пули нас уже не задевали. На склоне холма была расположена деревушка, где еще утром стоял наш штаб. Нам надо было добраться до деревни. Что будет дальше, — об этом никто из нас и не думал.

Когда мы стали подниматься по склону холма, немецкая артиллерия перенесла огонь несколько дальше, и нам представилось не особенно трудным добраться до деревни.

В деревне мы нашли только одних раненых. Ноги подкашивались. Было страшно тяжело. Но по общей инер-

ции не хотелось отставать от других, и мы побежали-было по равнине, которая простиралась за деревней. Но немецкая артиллерия снова открыла по нас такой огонь, что подкашивался каждый, кто только выбегал из деревни на равнину.

Немцы уже входили в деревню, и здравый ум подсказывал, что теперь уже не оставалось ничего, кроме плена. Нас было несколько сот человек. Все мы, как один, стали бросать патроны и винтовки.

Мимо нас понесли раненого. Я с товарищем помог внести его в ближайшую избу. Там никого, кроме нескольких тяжело раненых, не было. Стали их перевязывать. Для нас всех было ясно, что мы уже находимся в плену.

НАШЕ ПЛЕНЕНИЕ.

Артиллерийская канонада продолжалась. В избе звенели стекла окон. На полу, на соломе лежали умирающие от тяжелых ран. Не было ни врачей, ни сестер милосердия, не было и санитаров; кто-то принес этих несчастных в избу и бросил.

Пушечный грохот, трескотня пулеметов смешивались со стонами раненых. Здесь было гораздо хуже, чем на площади под градом пуль и шрапнелей.

Скинули шинели и занялись ранеными. Не успели мы, как следует, перевязать принесенного в избу, как у дверей и окон показались немецкие солдаты и стали кричать что-то на немецком языке. Мы сразу поняли, что они требуют, чтобы мы вышли из избы.

Избегая лишних осложнений, мы вышли все, надеясь, что после того, как мы скажем, что в избе лежат тяжелораненые, мы вместе с ними вернемся туда и захватим шинели.

Наша наивность сейчас же выдала себя. Немцы нас обратно в избу не пустили, они не только не обратили внимания на наши знаки, что в избе раненые, и мы без шинелей, но, закричав на нас, потребовали, чтобы мы подняли вверх руки.

Начались обыски. Отбирали часы, кольца, заставляли обмениваться сапогами. Признаться, нам в России много рассказывали про немецкие жестокости, но такое поведение культурных немцев нас поразило. Но после выясни-

лось, что это только были относительные грубость и насилие. Война сделала зверьми всех, как культурных, так и некультурных. Все народы находились под тяжелой пятой империализма и теряли свой облик.

В избу нас так и не пустили. Без шинели, в одних гимнастерках нас погнали, как баранов, по улице деревушки; наше пленное стадо постепенно увеличивалось и через несколько десятков минут уже возросло до нескольких сот, пожалуй, и тысячи человек.

Казалось бы, что немцы нас должны были повести в противоположную сторону. И мы были крайне поражены, когда они повели нас с собой — в наступление. Значит, правда, что немцы оборонялись колоннами пленных!? Как не хотелось этому верить! Но факты, говорят, самая неприятная вещь для мечтателей. Сообразуясь с передвижением своих частей, немцы перегоняли штыками и нас; мы все время занимали положение как бы барьера.

Из лесу к нам навстречу неслись пули, сбоку трещал пулемет. Видно было, что оборонявшиеся решили удержаться в лесу, по крайней мере, до вечера.

Снова загрохотали немецкие пушки, затрещали в лесу сучья и вершины деревьев, пули над нами перестали свистать, нас отвели в сторону, и немецкие части бросились уже в лес.

Теперь только нас повели обратно к деревне, передали нас новым конвоирам и погнали по дороге, как после оказалось, в местечко Брезин.

На дороге и вдоль ее валялись трупы убитых с поднятыми вверх руками и ногами. Встречались и раненые. Они ковырялись по земле, стонали, кричали, ругались, но на них никто не обращал никакого внимания.

Нас стеной окружали конвоиры, и мы должны были передвигаться тесными рядами.

Стало темнеть. И только теперь мы почувствовали, что уже вечер и сумерки спускаются на землю, орошенную кровью «врагов» и «своих». Какое издевательство над человеческим самосознанием!

Падал снег тяжелыми хлопьями. Было холодно. Впервые с утра захотелось есть.

Это было 6 (19) ноября 1914 года.

НОЧЬ В КОСТЕЛЕ.

Нас пригнали в местечко Брезин.

Было темно. В городе царила мертвая тишина. В окнах нельзя было увидеть ни одного огонька.

Остановились около костела. Сразу догадались, что костел послужит местом нашего ночлега. И действительно, немецкий солдат открыл костел, и нас стали загонять, как обыкновенно загоняют в хлев скот.

Костел был не из больших, и партия пленных кое-как разместилась. Было мрачно. Сумерки уходили в высокие своды. Около алтаря горели две большие восковые свечи, и свет от них тенями отливался в темных углах костела.

Не успели мы как следует разместиться, как отворились двери, и в костел хлынула новая волна пленных. Костел наполнился до краев. Было так тесно, что трудно было не только присесть, но и стоять. Среди нас были и раненые; немцы отделяли лишь тяжело раненых; всех тех, которые могли двигаться, приобщали к общей массе пленных.

В тесноте раскрывались наспех перевязанные раны; негде и некому было их перевязать. Люди стонали, ругались, несло запахом свежей крови...

В полумраке костела вырисовывался как-то особо алтарь. Долгое время притиснутые к алтарю не осмеливались взбираться на него. Среди пленных было много фанатиков-католиков. Они со слезами просили сохранять неприкосновенным престол. Бедные, они сохранили уважение и преданность к своему богу в то время, когда против его существования вопили камни на мостовой. Напрасны были их просьбы. Уставшие пленные стали взбираться и на престол и под него.

В одном углу костела солдаты заспорили с офицерами (на первых порах вместе с пленными рядовыми гнали и офицеров). Стали друг-друга обвинять в бездействии, в результате чего явилось наше пленение. Офицеры грозили карами, но им в ответ послышался общий хохот, и они должны были замолкнуть.

Бесконечно долго тянулась ночь. От усталости ныли кости, слипались веки, но вздремнуть можно было только

прислонившись друг к другу. Страстно хотелось утреннего света, свежего воздуха, вольности движений, но до утра было еще далеко, далеко. Часы на башне пробили только одиннадцать, двенадцать...

Но самое страшное началось потом. Так как двери были заперты на ключ и на двор никого не пускали, то само собой понятно, что в костеле начали и испражняться. Ненормальная жизнь и питание на фронте отразились на состоянии здоровья и у многих началось расстройство желудка. Пошел смрад. Это вызывало протесты и ругань здоровых... Чем меньше оставалось до рассвета, тем невыносимее делался воздух.

Слегка дрожа, горели восковые свечи. Невольно представлялась торжественность, с какой ксендзы в этом же костеле совершали богослужения. Хотелось бы здесь иметь одного из них, чтобы он в эту ночь в этом аде кромешном рассказал сказку о жизненной правде божественного учения, на котором зиждется господство буржуазии. Не могло быть сомнений, что здесь, в костеле, в эту ночь его послали бы ко всем чертям даже и те фанатики-верующие, которые еще недавно так ревностно защищали неприкосновенность престола.

С какой величайшей радостью мы приветствовали первые проблески позднего осеннего рассвета в полутемных овальных окнах костела. Утренний рассвет как бы даровал нам жизнь, возвращал прежние силы.

Было уже совсем светло, когда открылись двери костела, и нас стали выпускать на улицу. Хотелось падать на землю, целовать ее, — так бесконечно близка была она и свежий воздух, ее окружающий.

Нас выстроили по четыре человека в ряд и, окруженные густой стеной конвойных, мы пошли по улицам сонного польского городка вперед к неведомым испытаниям. Но о будущем никто и не думал. Все были счастливы, что могут свободно двигаться и впитывать в себя свежий воздух.

ПО ПОЛЯМ И ДОЛАМ РАЗРУШЕННОЙ ПОЛЬШИ.

Утренний ветерок приятно щекотал уставшее лицо. Было прохладно, в особенности нам, которые шли без шинелей.

Землю покрывала тонкая белая пелена снега. Небо было ясное. День обещал быть хорошим, восток горел лучами утреннего солнца. Где-то бухала тяжелая артиллерия. Все казалось каким-то далеким. Скитания последней ночи, бессмысленная атака, ночь в костеле заглушили всякий интерес к окружающему.

Лучи утреннего солнца уже падали на шоссе, когда мы очутились за городом. Пришли как-то в себя. Захотелось опять есть.

С утра шли ускоренным шагом. По обеим сторонам дороги довольно часто попадались полуразрушенные и сожженные хаты. Редко можно было видеть в деревнях людей, разве стариков и старух, которые в большинстве случаев исчезали при нашем приближении.

Пытались заводить разговоры с конвойными. Из нас почти никто не владел, как следует, немецким языком. Об'яснялись, как могли. Но конвойные отвечали нехотя. На вопрос, когда нас будут кормить, отвечали, что в Германии мы заживем хорошо.

Стали уставать. На лужайке, посреди которой был пруд, нам разрешили присесть. Все, как один, сейчас же бросились к пруду пить.

Один из наших товарищей, агроном по профессии, все советовал нам пить воду, так как вода, говорит, является хорошим дезинфицирующим средством. И действительно, воду мы пили усиленно во время всей дороги. Конечно, не потому, что вода является дезинфицирующим средством, а просто потому, что от питья меньше мучил голод.

После привала пошли дальше. К обеду нас поразило несколько странное обстоятельство. Оказалось, что мы находились в каком-то кольце: кругом нас шла артиллерийская канонада; было видно, как на окружающих холмах разрываются снаряды; по временам можно было слышать даже пулеметную трескотню. Конвоиры были в возбужденном состоянии. Было ясно, что мы находимся в кольце.

Уже не пошли по шоссе, а свернули в сторону и стали пробираться проселочными дорогами. Казалось, дело было неладное. Нас могли еще и отбить.

День выпал на-редкость ясный. Было видно далеко кругом. Вдали виднелись холмы, ходили по перелескам, равнинам и долам. Повсюду следы боев. Редко встречалось поле, на котором крестообразно перевязанные два прута на могиле с фуражкой или немецкой каской не свидетельствовали бы о похороненном солдате; а иногда можно было наблюдать десятки таких крестов, встречались и братские могилы.

Солнце уже стало близиться к закату, а нас гнали и гнали. Огненное кольцо то суживалось, то расширялось, в связи с этим то приближались, то уходили вдаль оружейная стрельба и пулеметная трескотня.

Было уже темно, но нас продолжали гнать, изменяя направление то в одну, то в другую сторону.

Хотелось лечь на холодную землю и заснуть хоть на минуту.

НОЧНОЙ ОБСТРЕЛ.

Становилось темней и темней.

Огненное кольцо, которое днем можно было определить ружейной пальбой и пулеметной трескотней, с наступлением ночи превратилось в кольцо пожарищ. Казалось, что мы бродим по середине самого кольца и вот-вот вырвемся из него.

Кругом тянулись поля, долины. Недалеко от нас в темноте вырастал лес; когда проходили через какое-нибудь имение, то по обеим сторонам дороги красовались высокие и стройные тополи; в ночной темноте они казались настоящими гигантами. А кругом все пылало зарево, которое облегало горизонт со всех сторон.

Наши конвоиры как-то сбились с проселочной дороги,— а может-быть, там и дороги не было, — шли перепаханным полем. Шли и громко разговаривали. Еще с наступлением сумерек откуда-то пошли слухи, что в окружающем нас огненном кольце скитается отряд казаков, который хочет, якобы, нас освободить. Версия про освобождение, конечно,

была плодом фантазии, так как по ту сторону вряд ли знали о наших скитаниях, но отряд казаков все же мог проникнуть, и нашим конвоирам было чего бояться. Пожалуй, этим и об'яснялось, что мы свернули с шоссе и пошли проселочными дорогами.

Огненное кольцо, слухи про отряд казаков, таинственная дорога, волнение конвоиров, — все это, в свою очередь, действовало на нас, и мы находились в возбужденном состоянии. Повсюду шли разговоры, а так как нас было несколько тысяч человек, то мы передвигались вперед с шумом, если не с гамом, и нас было слышно далеко кругом.

В такой обстановке среди ночной тишины вдруг раздался залп, над нами, мимо нас засвистали пули, раздались крики раненых. Многие орали: «Наши, наши!»; немцы опять кричали по-своему. Пленные стали разбегаться, кто куда; по нас открыли стрельбу еще усиленней; чтобы не быть убитым, пришлось лечь на землю. Стрельба все продолжалась...

В голове мелькнули мысли: в нас стреляли казаки, приняв нас за немецкий отряд; однако, мог стрелять и немецкий дозор, принявший нас за казаков, так как мы разговаривали громко и по-русски. Наконец, подумали самое страшное: окруженные огненным кольцом, конвоиры хотели просто с нами покончить. Последнее было невозможно, но в то время нравы были таковы, что можно было ожидать и этого.

Наконец, стрельба стихла. Перестали раздаваться и крики: «Свои, свои — не стреляйте!». Только со всех сторон были слышны вопли раненых.

Кто-то по-русски стал выкрикивать, что только-что совершившееся событие было ошибкой со стороны немецкого дозора. Ошибка исправлена, и конвоиры приглашают нас пойти дальше.

Все это было так неожиданно, что пленные и не успели как следует разбрестись. Большинство упало на землю при первых выстрелах, только небольшая часть решилась бежать под градом пуль, и, по всей вероятности, они и не вернулись. Так как были тяжело-раненые и убитые, которые остались там же, то немцы вряд ли могли установить в ночной темноте, сколько нехватает пленных.

Настроение у немцев-конвоиров было убийственное: раненые и убитые были и среди них. Ошибка — ночной обстрел — стоила многих жизней.

Это роковое событие как-то сблизило нас, пленных, с конвоирами. Пострадали, ведь, обе стороны. Все были жертвой войны, хотя этого очень многие и не сознавали.

Нас снова построили в ряды. Началась среди пленных перекличка, — в темноте все растерялись, друг искал друга, товарищ товарища, наконец, знакомый знакомого.

Двинулись дальше. На ясном небе ярко горели звезды. Было холодно. Остывала земля. В поле, по которому мы шли, царила какая-то особая тишина, или так просто казалось.

Пришли, наконец, в деревню. Немецкие конвоиры, видно, сами устали и не решались продолжить путешествие, чтобы не случилось еще худшее.

Разместили нас в деревне просто. Конвоиры окружили цепью деревню и пленным разрешили размещаться в польских хатах и сараях по своему усмотрению.

В деревне опять начались разговоры. Теперь уже выяснилось, что ночной обстрел действительно был ошибкой немецкого дозора, который не был предупрежден, что по этим местам должны ночью пройти русские пленные; услышав русскую речь, немцы приняли нас за вооруженный русский отряд и открыли стрельбу.

Мы с несколькими товарищами заняли чердак польской хаты. К нашему счастью, там была солома. Зарывшись в нее и прижавшись друг к другу, мы заснули, как убитые.

ПОЛЬСКАЯ КАРТОШКА.

Утром нас разбудил шум.

Когда мы спустились с чердака, перед нами была интересная картина. По всей деревне пылали костры, вокруг которых кучками толпились пленные. Оказалось, что они с разрешения немцев пекут картофель.

Некоторые тут же вели разговоры с польскими крестьянами. Надо сказать, что русских пленных польские крестьяне встречали весьма сочувственно и помогали всем, чем только могли. Понятно, что все же они могли очень мало

чем помочь. Была только одна картошка, которая спасала нас и поляков.

Как голодные волки, мы набрасывались на картофель. Ели ее полупеченой, так что хрустело в зубах. Немцы торопили. Надо было как-нибудь наполнить желудок.

Когда мы, по мнению немцев, достаточно насытились, конвоиры стали сжимать свою цепь и, обыскивая избы и чердаки, сгоняли нас на средину деревни. Там нас снова построили по четыре в ряд и погнали дальше.

Та же картина повторялась и в дальнейшем. Обыкновенно раз в сутки нам разрешали на час-полчаса остановиться в деревне, «реквизировать» польскую картошку, с'есть ее полусырую и снова двинуться дальше. Хлёба нам не давали. Польская картошка заменяла нам все. Она была нашей спасительницей от голода в эти тяжелые дни.

Еще долго в плену мы вспоминали польскую картошку и добродушное к нам отношение польских крестьян. Нас повсюду провожали со слезами на глазах, и это было понятно: среди нас, пленных, было много поляков, многие поляки служили в русской армии. Отсюда и слёзы, и причитания старушек и стариков.

И единственная помощь, которую нам, пленным, могли оказать поляки-крестьяне, была картошка.

НАШЕ ДАЛЬНЕЙШЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ПОЛЬШЕ.

Чем дальше мы отодвигались от фронта, тем хуже стали с нами обращаться. Окружавшее нас огненное кольцо рассеялось и исчезло на следующий день после ночного обстрела. В каждом новом пункте нас сменяли новые конвоиры, и враждебное отношение последних к нам усиливалось. Новые конвоиры в большинстве случаев были люди, не бывавшие на фронте, они и не могли питать никакого сострадания к пленным, так как на своей шкуре не испытали лишений войны и угрозы самим быть пленными; они были пьяны патриотическим дурманом...

С приближением к границе враждебное отношение доходило до издевательств. Через города, села нас прогоняли бегом; нам уже не разрешали останавливаться в деревнях, печь картофель; голод усиливался. На ночь сгоняли в боль-

шие костелы. Люди, истощенные в боях, переходах, осунулись и не могли уже итти так быстро, как вначале. Пришлось подгонять их прикладами, и немцы не стеснялись.

Голодные пленные накидывались на все, что только было мягкого и можно было грызть зубами. Набрасывались на кучи свеклы, сырой картошки и ели. В результате получалось расстройство желудка, дизентерия.

Стали учащаться случаи, когда многие уже не могли итти дальше и падали на дороге. Более жестокие конвоиры их просто закалывали.

Навстречу нам попадались свежие отряды немецких солдат. Они шли на фронт. Поражала их свежесть. Обозы, лошади были как вылитые из стали. Кормили их регулярно, не то что нас в маршевой роте.

Отношение молодых немецких солдат к нам было самое отвратительное. Они с величайшим удовольствием закололи бы нас, если бы только им это позволили.

Один из таких зверей оказался социал-демократом. На наше удивление, сказал, что он — бывший социал-демократ, и что теперь война, и социал-демократов в Германии уже нет.

И он был прав. Для нас, партийцев, это было все же неожиданностью. Крушение германской социал-демократии и такое отношение отдельных ее членов к нам, безоружным, несчастным пленным, поразило нас, и мы уже стали верить, что в самой Германии с нами будут обращаться еще хуже.

Только на девятые сутки мы пришли в Кони, откуда нас могли отправить в Германию по железной дороге. В Кони пригнали нас поздно вечером. За это время мы уже утратили всякую человеческую наружность и подобие. Мы представляли из себя толпу нищих, и, конечно, сытые немцы имели много оснований издеваться над нами.

В Кони нас выстроили на площади. Ждали долго, пока для нас подали вагоны. Наконец, дождались. Разбив на группы по 80 человек, нас погнали к поезду и стали распределять по вагонам.

Вагоны, понятно, были товарные. В них, видно, привезли лошадей и, конечно, после этого не очистили. Но мы были рады, что, наконец, попали в вагон. Было очень тесно,

но зато тепло. После проведенных в сараях холодных ночей чувствовали себя опять на «девятом небе».

Грохотом за нами задвинулась дверь, щелкнул замок, следовательно, нас заперли. Попробовали. Действительно, дверь не отпиралась.

Но это нас не обескуражило. Через несколько дней будем на месте.

Не дожидаясь отхода поезда, легли спать. Все 80 человек, конечно, не могли лечь. Кто спал сидя, кто на коленях, кто просто друг на друге. От страшной усталости не чувствовались теснота и другие неудобства.

В ЗАПЕРТОМ ВАГОНЕ.

Болели бока, совершенно не чувствовали ног, когда мы проснулись. Под нами пели рельсы, отдавали равномерные толчки колеса вагонов. Мы мчались в Германию.

Хотя был день, в вагоне было почти темно. Было закрыто наглухо и окошко. Только через отдельные щели в дверях в вагон проникали редкие лучи дневного света. Куда мчался поезд, через какие местности мы проезжали, — никто из нас не знал; да и зачем нам это надо было знать? Ведь, нас считали военной добычей. Какая разница, куда нас сейчас направляют.

Только утром осознали наше бедственное положение. Было то же, что и в костеле. Оправляться приходилось тут же в вагоне, что при такой тесноте и всеобщем расстройстве желудков было не очень-то удобно, а главное — «не особенно гигиенично» и «приятно».

В вагоне уже не было польской картошки, не было и ничего мягкого, чем бы можно было утолить голод и жажду.

Поезд на станциях останавливался редко. Тем более мы ждали этих остановок. При каждом замедлении поезда надеялись, что вот-вот отопрут сейчас вагон и дадут нам коечто поесть и попить. Но поезд после остановки снова двигался, и мы ждали новой остановки...

Наконец, поезд что-то долго не отходил. Послышался говор проходящих мимо нашего вагона русских пленных. Наши лица засияли. Значит, придет очередь и за нами.

И действительно, скоро послышался лязг железного замка, и дверь нашего вагона отодвинулась. Нам приказали выйти.

Первое, что мы увидели, это был отряд пожилых немецких солдат, вооруженных, как говорится, до зубов. После выхода из вагона отряд окружил нас и повел в уборную. Это нас несколько разочаровало, хотелось, ведь, есть. Однако, скоро наши страхи прошли. После уборной нас, действительно, повели в питательный пункт. Дали нам ломтик хлеба и тарелку рисового супа. Это, конечно, нас не удовлетворило, но все же доставило величайшее удовольствие.

Окружающие нас немцы удивлялись такому нашему аппетиту. Чудаки! Разве тогда можно было говорить об аппетите, когда мы были голодны, как волки.

После такого «диэтетического» питания нас снова посадили в смердящий вагон. Поезд помчался, и мы снова ждали остановки и новой тарелки супу и ломтика хлеба.

Настал вечер, за ним ночь. Через двери вагонов просвечивались только лучи станционных огней, мимо которых мчался поезд. Было темно и смрадно.

Хотелось пищи и свежего воздуха.

КОНЕЦ ПУТЕШЕСТВИЯ.

Сквозь щели нашего вагона снова проникали лучи дневного света. Поезд остановился и, казалось, не думал нестись дальше. Значит, прибыли к месту своего назначения.

С шумом отодвинулись двери нашего вагона, и нам кто-то приказал вылезать. На площадке, тут же рядом с нашим поездом, были выстроены и жильцы других вагонов. Нас присоединили к выстроившимся. Кругом стояла стена часовых. Раздалась команда: «Шагом марш!», и мы пошли.

Небо было покрыто тучами. Моросил мелкий дождик. Свежий воздух резко действовал на самочувствие. Голова кружилась, шумело в ушах.

С вокзала свернули в город. Шли по улицам, которые были полны народу. Со всех сторон раздавались по нашему адресу ругательства и насмешки. Порою отношение толпы принимало угрожающий характер; бросали в нас камнями и чем-то в роде тухлых яиц. Если бы не стена часовых, нас, пожалуй, стали бы просто избивать. Теперь немецкие

часовые являлись уже нашими преданными защитниками от озверевшего немецкого буржуа.

Признаться, насмешливое отношение немецких буржуа нас абсолютно не трогало. Мы хотели есть, хотели дышать свежим воздухом. Ведь, подавляющее большинство пленных представляло из себя нищих, в полном смысле этого слова, которые мало интересуются внешним миром.

Городок, по улицам которого мы проходили, был небольшой. Скоро мы миновали городские улицы, переполненные патриотически настроенными буржуа, и вышли в поле.

Накрапывал дождик. Было грязно, но мы чувствовали себя бодро. Недалеко виднелся уже и наш конечный пункт — лагерь.

В ЛАГЕРЕ.

Мы подошли к баракам, окруженным со всех сторон стеной густо натянутой колючей проволоки сажени в полторы вышиной. Со скрипом открылись перед нами широкие железные ворота, и мы вошли в лагерь.

Перед нами виднелась широкая грязная улица, по обеим сторонам которой стояли довольно низкие бараки. На крылечках последних толпились люди в красных шароварах и в маленьких красных кепках, — это были пленные французы и бельгийцы.

Нас не повели в бараки, а направили к низеньким землянкам, которые были расположены выше бараков, в той же самой изгороди. Землянки служили карантином, который должны были пройти все прибывающие в лагерь пленные, прежде чем попасть в бараки и сделаться полноправными гражданами лагеря.

Прежде чем разместить по землянкам, разбили нас по группам, по 60 в каждой; во главе группы поставили старшего — унтер-офицера. Каждому пленному выдали по два одеяла, таз для умыванья, миску для еды, ложку и мешок для матраца. Каждый пленный, кроме того, получил свой номер, который стал заменять его фамилию, имя и отчество. Мне выпало на долю носить № 4925.

Землянки были низенькие, с маленькими окошечками, но, к нашему удивлению, с электрическим освещением.

К вечеру к землянкам подвезли стружки, которыми набили матрацы. В общем нас приняли прилично. Признаться, мы этого и не ожидали.

Скоро принесли и обед. Налили полную миску очень жирного — со свининой — супа и выдали буханочку хлеба. Не знали, как и радоваться. Выхлебали бак, пошли на кухню, — дали еще полбака.

Перестал и дождик. Выглянуло солнышко. И когда вечером после чаю легли на мягкие матрацы, чувствовали себя, как в раю.

Но потом началась трагедия. После стольких дней голодовки и после такого жирного обеда у многих началось расстройство желудка. В сущности, многие этим страдали уже в пути, в лагере оно приняло только определенные формы, формы дизентерии.

На второй день добрая половина оказалась больной; некоторых из заболевших отправили в больницу. Через несколько дней начались заболевания тифом, — всеми тремя его формами.

Рядом с лагерем была и больница. По существу и форме, это был другой лагерь: всего 5 бараков, обнесенных такой же проволочной решеткой.

Сам же лагерь, без больницы, занимал приблизительно квадратный километр. Бараки были расположены правильными рядами. Посередине лагеря проходила широкая главная улица, от нее по обе стороны — второстепенные. Количество бараков не было особенно велико — всего 85, не считая кухонных и складочных бараков. В каждой стене проволочного заграждения были широкие железные ворота. Около ворот, на углах и по середине проволочного заграждения с внешней стороны поднимались дозорные пункты, которые были раза в полтора выше проволочного заграждения; на каждой вышке всегда стоял часовой с пулеметом, кроме того, по одному часовому стояло у каждых ворот. По ту сторону проволочного заграждения, вне его, вдоль каждой из четырех сторон железной стены было расположено по бараку, в которых жили немецкие солдаты — охрана. Словом, все было устроено так, что в любой момент можно было поднять на ноги всю охрану лагеря.

Во главе лагеря стоял немецкий генерал, который, в свою очередь, имел помощника — коменданта. Проживающие в лагере пленные разбивались на батальоны; во главе батальона стоял немецкий фельдфебель, иногда и унтер-офицер; при батальонном командире все время находился фельдфебель из военнопленных, который осуществлял как бы военную власть данной национальности; батальона; батальоны распадались на группы — в 60 человек каждая; во главе групп стояли немцами же назначенные унтер-офицеры.

Каждый барак вмещал 120 человек, т.-е. две группы, и был разделен на две части. Каждый пленный имел свое «отделение» для спанья, или гроб, как говорили военнопленные; гробы были расположены и на полу, и по середине в виде лежанок в два этажа. В каждой половине у входа в барак были небольшой коридор и небольшая комната для старшего группы и трех унтер-офицеров. Словом, все было приноровлено к чину и званию.

Лагерь находился недалеко от города Гамельна на Везере и был расположен на отлогом склоне холма. С верхней части склона, где как-раз были расположены наши землянки, открывался чудный вид на реку Везер, город Гамельн, окруженный со всех сторон холмами, покрытыми буковыми лесами.

За все время пребывания в карантине нас не заставляли подчиняться определенной дисциплине. Мы жили своей собственной жизнью; если бы не болезни, то можно было бы еще кое-как и жить. В гигиеническом же отношении, конечно, было во много раз хуже, чем в лагере. Особенно сильно это чувствовалось, когда стали итти дожди, и глиняная почва расползалась под ногами и на улице, и в землянках. Все мечтали об одном, — чтобы поскорее попасть в бараки.

Обстоятельства нам помогли поскорее выбраться из землянок. Ожидалась новая партия пленных, для них нужны были землянки, и через неделю нас перевели в бараки.

До перевода в бараки мы мало знали о том, что творится на белом свете. К нам никого из старых пленных не подпускали, мы никого не видали, кроме немецких часовых, которые были с нами немы, как камни.

* * *

Лагерь с бараками представлял из себя городок военнопленных. Разбитый на правильные участки, с правильными улицами, он напоминал настоящий город. Лагерь вмещал около 10.000 человек.

В лагере была своя лавочка, где продавали различного рода мелочь. Осенью 1914 года продавали и хлеб, колбасу, пирожки.

В лагере помещались пленные всех «союзнических» национальностей, начиная с благородных англичан, кончая чернокожими африканскими неграми. По существу, население лагеря представляло из себя интернациональный букет, и немцы, действительно, могли хвастаться, да и хвастались, что воюют со всеми народами мира.

По воскресным дням, по крайней мере, осенью 1914 года лагерь был притягательным пунктом для жителей города и окружающих деревень. С самого утра около изгороди толпились любопытные обыватели, желающие поглядеть на разноцветную массу пленных.

Здесь были гордые англичане в коричневом мундире, смотрящие на всех свысока.

За ними следовали веселые везде и повсюду жизнерадостные французы с красными шароварами и красными маленькими кепками.

За французами — флегматичные бельгийцы.

Наконец, их всех венчали мы, русские, — азиаты, как нас величали немцы, «друзья» французы и вообще все европейцы.

В лагере было свое информационное бюро. Понятно, что оно не имело определенного места, во главе его не стояли определенные лица, оно находилось повсюду, ловило налету разговоры отдельных немецких солдат, добавляло свое, иногда очень просто — сочиняло что-нибудь фантастическое, и «новости» шли гулять по городу военнопленных.

В 1914 году в лагере газеты читать и получать не разрешалось. Приходилось жить одними слухами. Новости, возникшие во французских бараках, моментально передавались в русские бараки и наоборот.

Хотя среди пленных, как с той, так и с другой стороны, было немного знающих иностранные языки, но незнание языков нисколько не мешало сношениям друг с дру-

гом. Выработался какой-то своеобразный «интернациональный» язык. Любой русский военнопленный мог столковаться обо всем со всеми военнопленными других национальностей. Если кто-либо обладал несколькими десятками слов немецкого и французского языка, он уже являлся человеком грамотным. Таких было сравнительно много.

Вначале немцы пытались-было воспретить всякое сношение пленных между собой. Но из этой попытки ничего не вышло. Пленные встречались на улицах, заходили в бараки, обменивались между собой предметами первой необходимости. Начальство было бессильно что-либо сделать, оно было не в силах запереть пленных в четырех стенах. Немцы должны были, наконец, примириться с этим явлением.

Местом «интернациональной» встречи являлись отхожие места, расположенные по обе стороны лагерных бараков. С утра до вечера около этих мест толпились пленные, между ними шел самый оживленный обмен, продажа; там же узнавались новости и распространялись слухи. Здесь продавали хлеб, обменивали его на папиросы, на табак, продавали сапоги, часы, кольца. Словом, на этой толкучке можно было купить и продать все, начиная с золотых часов и кончая лохмотьями тряпья. Единицей ценности являлась порция хлеба. В первые же недели нашего прибытия немцы прекратили доставку в лагерь хлеба для продажи, и поэтому ясно, что для определения всякой ценности служил кусок хлеба — $^1/_8$ фунта — норма ежедневной выдачи. За хлеб можно было купить все.

В этой «международной» торговле весьма выдающуюся роль, конечно, играли сами немцы. Рабочие, которые проводили или исправляли электрическое освещение, налаживали канализацию, наконец, часовые — все приносили в лагерь папиросы, табак, соль, бумагу и обменивали на более ценные предметы. Таким же порядком в лагерь иногда поступали и газеты, хотя в этом отношении немцы были твердокаменными.

Газеты в первые месяцы получали случайно; в этом отношении нам помогала и немецкая аккуратность: немецкие солдаты, рабочие в 8 часов утра всегда едят «фриштик» (завтрак), — это кусок хлеба с колбасой, салом, сыром; «фриштик» завертывается всегда в номер вчерашней газеты;

понятно, что после завтрака газета бросается; обыкновенно лоскутки газет собирались и приносились нашим переводчикам. Так узнавались более или менее официальные данные о ходе событий.

Новости в лагерь передавались и немцами. Но так как все они тогда находились в патриотическом опьянении (охрана была, главным образом, из зажиточных слоев населения), а с подлинными рабочими массами мы не сталкивались, эти новости были весьма односторонние, и им в лагере большого значения не придавали. Совсем другое, если в лагерь каким-нибудь путем (вначале это случалось очень редко) попадали французские, английские или же русские газеты. Известия из этих источников всегда принимались за чистую монету, и тот, кто оспаривал эти известия, слыл пособником немцев.

ГОЛОДОВКА.

Первые впечатления об относительном благополучии лагерной жизни рассеялись в пух и прах в первые же дни. Трудно сказать, чем руководствовалось лагерное начальство, когда оно нас накормило так хорошо в первый раз. В следующие же дни оказалось, что немцы будут кормить нас очень плохо. Хлеба стали выдавать совсем недостаточно, — всего $^1/_8$ фунта. Утром давали кофе из желудей, вечером — жидкость, в которой крупинка подгоняла крупинку. В обед приходилось довольствоваться одним литром супа. В лавочку с конца ноября 1914 года с'естных припасов немцы в лагерь частным порядком, за деньги, не доставляли. Связь пленных с родиной не была налажена, и никаких посылок ни откуда никто не получал. Изголодавшиеся на фронте и во время путешествия в Германию, пленные крайне нуждались в усиленном питании. Одной восьмой фунта хлеба и обеденного супа, конечно, было недостаточно. Приходилось систематически недоедать. Отсюда общее слабосилие, болезни. Несмотря на всякие карантины и другие предохранительные меры, пленные заболевали тифом и другими инфекционными болезнями и умирали сотнями и тысячами. В лагере свирепствовали и легочные болезни, особенно среди южан, которые трудно переносили климат Ганноверской провинции.

Голодали пленные всех национальностей. В конце 1914 года и в начале 1915 года мы все были на равном положении; тогда еще не существовало высшей расы — французов, бельгийцев, англичан, которые в 1916 и 1917 гг. питались как нельзя лучше, и низшей — русских, которые пухли от голода и сотнями тысяч отправлялись к праотцам.

Все пленные гонялись за ложкой супа, не говоря уже о куске хлеба, и считали величайшим счастьем попасть рабочими на кухню.

Работающие на кухне приносили домой в карманах картофельную шелуху и продавали ее за кольца, медальоны и другие вещи. За дневную получку хлеба можно было получить серебряные часы, за две-три — золотые.

Воровство в лагере шло самое отчаянное. Когда из города на кухню привозили картофель, мясо, толпа набрасывалась и расхватывала. Напрасно возивший оборонял воз кнутом. Нападающих били и палками, но напрасно. Избитые до крови, все же пожирали украденное тут же, под ударами. Дело доходило до того, что лагерное начальство принуждено было к продуктовым повозкам приставлять вооруженную стражу.

Чего только ни ухитрялись употреблять в пищу? Картофельную шелуху варили на чугунке, сушили и приготовляли суп. Ели смолу, — сшибали и собирали затвердевший, каплями стекающий с крыш бараков деготь.

В результате массовые заболевания, главным образом среди русских. Люди умирали, как мухи. Оставшиеся в живых ходили, как тени.

Поглощали громадные количества воды, — единственно чего было вдоволь.

ОХОТА ЗА БЕЛЫМИ МЕДВЕДЯМИ.

Еще в запасном полку в России, потом в маршевой роте нас угнетали вши. Не помогали ни баня, ни чистоплотность отдельных лиц, вши переползали с одного на другого, размножались так быстро, что бесполезно было мечтать об их уничтожении.

На фронте, конечно, нельзя было и думать о какой-либо систематической борьбе с паразитами, кроме разве уни-

чтожения их ногтями. Этот же способ истребления приходилось применять и в плену, где их развелись такие массы. что не испытавший этого и не поверит. Вшей было такое множество, что когда места наибольшего скопления их в нижнем белье клали на кирпич и давили другим кирпичом, то слышался треск.

Чтобы сколько-нибудь облегчить себя, приходилось устраивать охоту на вшей по три раза в день — утром, в полдень и вечером. Утром и вечером вся эта процедура производилась в бараке, а днем — на свежем воздухе. Но «облава» на вольном воздухе обыкновенно не проходила без инцидентов. Еще в первые недели, когда мы жили в землянках, нередко бывали очень хорошие дни. Прогуливаясь на свежем воздухе и греясь на осеннем солнышке, пленные обыкновенно скидывали с себя все тряпье и с величайшим усердием принимались за истребление паразитов, или, как выражались, — выходили на охоту за белыми медведями.

Казалось бы, что в этом процессе не было ничего предосудительного, так как пленные творили весьма полезное дело, однако, караульные прогоняли нас в бараки и тех, которые осмеливались продолжать начатое дело, угощали прикладами. Видите ли, лагерное начальство не желало показывать окружающему миру, что вверенные ему пленные склонны заниматься такой прозой. А население города Гамельна и окружающих селений как-раз приходило к проволочным заграждениям лагеря, особенно по воскресным дням. и, конечно, могло наблюдать живописную картину, когда тысячи пленных голышом грелись на солнышке и копошились в своих тряпках.

Наконец, по лагерю был издан приказ, что убивать вшей можно только в закрытом помещении, т.-е. в бараках либо в землянках.

Борьба с паразитами продолжалась долго. Только к весне 1915 г., когда в лагере устроили дезинфекционную камеру и пропустили через нее все нам принадлежащее тряпье, вшей стало меньше. При повторении этой операции они совершенно исчезли в лагере, но продолжали мучить людей в рабочих командах, где таких дезинфекционных камер не было.

С УТРА ДО ВЕЧЕРА.

В 6 часов утра играли зорю, после чего отпирались и бараки. По существующим инструкциям, после зори все должны были вставать, но это выполнялось весьма относительно. В бараках было холодно, утренний кофе из желудей приносили только в 7 часов, так что по существу так рано и нечего было делать.

Смягчение режима всецело зависело от лагерного коменданта, а больше всего от батальонного фельдфебеля. Бывали немецкие фельдфебеля, которые доводили лагерный режим до абсурда, бывали, наоборот, и такие, которые относились к букве закона по-человечески, и под их начальством можно было кое-как жить. Но человечные фельдфебеля и унтер-офицеры обыкновенно в лагерях не долго уживались. Их не любил лагерный комендант и отправлял на фронт.

Ноябрь — декабрь 1914 г. и январь — март 1915 г. пленных на работы вне лагеря не посылали. Часть пленных ежедневно была занята исключительно работой в самом лагере, который на первых порах был неустроен. Трудами пленных наладили водопровод, канализацию, мостили улицы. Когда кончили работы в лагере, стали мостить дороги, которые вели от лагеря в город и в соседние селения.

Но работа в лагере отнимала сравнительно мало времени. Работа при той массе людей, которая посылалась, была нетрудной; пленные любили носить дрова, чистить уборные в окружающих лагерь казармах немецких часовых. За эту работу пленные обыкновенно награждались остатками солдатского супа, а в то время немецкие солдаты питались еще хорошо.

Чтобы не бегать и не искать мисок, отправляющиеся на работы, как и гуляющие по улице, пленные всегда носили с собой привязанную за пояс миску с ложкой. Вооруженные этими главными орудиями, пленные отправлялись на работу, гуляли по улицам лагеря и поглядывали во все стороны, не предложит ли кто-либо ложку супа.

Ни о какой духовной жизни не было и речи. Ни о библиотеке, ни о школе никто не смел и заикнуться. Сборища

были строго запрещены. Ни книг, ни бумаги не было. Люди превращались в животных, которые только о еде и мечтали.

Все ждали мира. Ловили на-лету разного рода небылицы, передавали их друг-другу, и почему-то все были уверены, что к весне 1915 года будем уже дома.

И что могли знать эти несчастные люди, запертые в лагере, оторванные от живой среды, голодные и униженные?!

В ЧАСЫ БЕЗМОЛВИЯ.

Как только запирались бараки, уже нечего было бродить с миской и ожидать от кого-то кусок хлеба. Кругом все были такие же голодные, все знакомые лица.

Бесконечно длинны были эти осенние, потом зимние ночи. Хотелось, чтоб поскорее был рассвет и можно было выйти на улицу.

Через дощатые стены и крышу барака слышно было, как накрапывал дождик, гуляла буря; где-то далеко с шумом и звоном проносились поезда. Это перебрасывались с фронта на фронт немецкие армии.

В эти долгие осенние вечера в бараке шли самые оживленные разговоры. Это время, конечно, можно было использовать для политической работы, но результаты на первых порах были очень слабые. Голодные и озлобленные пленные не хотели думать ни о чем другом, как только о хлебе.

С приближением полночи разговоры затихали. В 12 часов ночи тушили огонь, и до 6-ти часов утра все было погружено в сон. Снился белый хлеб, который можно было есть досыта.

Когда просыпались, в нос лез запах из коридора, где в двух ведрах оправлялось 60 человек. Ведра были полны, и вонючая жидкость разливалась по полу, протекала в барак и ручьями добиралась до середины комнаты. Пытались-было бороться с этим, но ничего не получилось. Лагерное командование отказало давать дополнительные ведра, и каждую ночь повторялось одно и то же.

ЛАГЕРНЫЕ НАКАЗАНИЯ.

В лагере официально будто бы не разрешалось телесное наказание, а в действительности практиковалось во-всю. Лагерное начальство — фельдфебеля и унтер-офицеры — все время расхаживало с палками и плетками в руках и собственноручно отсчитывало на спинах провинившихся пленных неопределенное количество ударов.

Об этом знало и высшее командование лагеря, но молчало. Пленные в глазах немецкой плутократии были подобны зверям, с которыми можно и по-зверски обращаться.

В январе 1915 года пленным делали противотифозные прививки. Собралось пять врачей; пленных выстроили в несколько рядов, и после прививки фельдфебель 7-го батальона Тимме начал бить по очереди всех палкой. Это происходило на глазах всех врачей, и такое действие (фельдфебеля) вызвало со стороны последних только хохот.

Никто в лагере не был гарантирован от палочного удара. Стоило только пройти мимо фельдфебеля, попасться ему на глаза, как неминуемо можно было очутиться под ударом.

Днем в бараке строго запрещалось лежать на матраце. При общей слабости, при отсутствии скамеек для сиденья очень соблазнительно было растянуться на матраце. Стоило только в такие моменты зайти в барак фельдфебелю, как уже пленный подвергался наказанию палкой или плеткой там же, на месте.

Под влиянием палочной системы воздействия встряхивали недавней «стариной» и свои — русские унтера и фельдфебеля, — старшие по группам, и стали, в свою очередь, обзаводиться палками. И, конечно, когда они пускали в ход свои палки, кроме одобрения со стороны лагерного начальства, это ничего другого не вызывало.

Но как бы ни били нас, все же наказание палками не оставляло такого тяжелого впечатления, как привязывание к столбу; это последнее наказание разрешалось официально и в нашем лагере практиковалось широко.

Оно состояло в следующем: около специально поставленных столбов на кирпич становился пленный, которого надо было подвергнуть наказанию. Наказуемого привязывали

к столбу веревкой, начиная от шеи, рук и кончая ногами. Кирпич после этого выбивали из-под ног, и привязанный оставался в подвешенном положении. Привязывание к столбу считалось одним из самых тяжелых наказаний, и его боялись все, как огня.

В лагере был еще и арестный дом с карцером, но его никто не боялся, и посидеть неделю под строгим арестом не представляло трудности.

Кроме этих наказаний, каждый батальонный фельдфэбель умудрялся выдумывать свои. И нельзя сказать, чтобы лагерное начальство в этом отношении было мало изобретательным.

ЗВЕРЬ-ЧЕЛОВЕК.

Особенной свирепостью отличался фельдфебель 7-го батальона Тимме. Если бы надо было изобразить немецкого патриота осени 1914 года, то за образец можно взять этого зверя-человека. Вечно он кричал, вечно ругался и любил до безумия колотить палкой пленных своего батальона. Он обращался с пленными, как со скотом, и не называл их иначе, как «Schweineband» (стадо свиней). При получении известий о новых победах на фронте он радовался и ржал, как жеребец, при поражениях же — плеткой или палкой угощал любого встречного пленного. Тимме слыл в лагере самым суровым фельдфебелем, и все его боялись. Пленных своего батальона он мучил до виртуозности, своих солдат-немцев держал в страхе и трепете. Тимме был настоящий немецкий патриот, — не даром он происходил из мелких помещиков.

Утренние проверки Тимме превращал в пытку для пленных. Он умел дрессировать и мечтал о том, чтобы пленные в его руках стали чем-то в роде обитателей зверинца.

В 7-м батальоне все делалось по свистку. Одним свистком он (Тимме) вызывал к себе старших групп, двумя свистками — намеченных старшими рабочих по лагерю, тремя — весь батальон на проверку. Как только раздавались свистки, вызываемые должны были лететь к бараку, где помещалась канцелярия батальона, и становиться в ряд. Если при этом, по тем или иным причинам, некоторые опаздывали и не вылетали в течение нескольких секунд из барака, Тимме

свистел четыре раза, и пленные моментально должны были разбегаться по баракам; после этого опять раздавались три свистка, и процедура начиналась снова. И действительно, Тимме так вышколил 7-й батальон, что пленные собирались и расходились по свистку в течение нескольких секунд. Если при этом иметь в виду деревянные колодки, которые пленным выдавались вместо сапог и в которых очень трудно было бегать, то, действительно, приходилось удивляться успехам Тимме. Конечно, в этой дрессировке самую важную роль играла плетка Тимме. Обыкновенно Тимме свисток передавал переводчику, а сам с плеткой бегал по баракам. И горе было тому, кого он находил выбегающим в последнюю очередь! Того он бил по спине, голове; виновный выбегал, скидывая впопыхах колодки, а за ним, похлестывая его, бежал Тимме.

Об этих проделках знали в городе. К Тимме специально приезжали знакомые из города и с крылечка канцелярии батальона любовались этими возмутительными действиями немецкого патриота. И хоть бы что!

Как всякий патриот, Тимме выше всего ценил нравственные устои. Когда в 7-м батальоне после медицинского осмотра оказался один сифилитик, он его собственноручно, в назидание всем пленным, выпорол и где еще — на крыльце, на видном месте, во время проверки, об'ясняя при этом: такой-то получил столько-то палок за то, что имел незаконные связи с женщинами. Немецкий патриот вообразил из себя великого гения, который плеткой может вышибить социальную болезнь.

Тимме, как хороший патриот, впоследствии уже, в конце 1915 года, в батальоне организовал из пленных сапожную мастерскую, которая работала исключительно на его семью и ее знакомых.

Творимым Тимме безобразиям не было конца. Каждый день приносил какие-нибудь новые его выходки. Так в конце января 1915 года он стал практиковать следующий метод наказания: когда в каком-нибудь бараке он находил коекакие беспорядки, — а при его придирчивости это нетрудно было сделать, — выгонялась на улицу вся группа, выстраивалась в наиболее грязном месте, и в течение получаса и более раздавалась команда: «Ложись, вставай, ложись, вставай!». Несчастные пленные должны были падать лицом

в грязь, вставать и снова падать. Это зрелище возмущало всякого до глубины души. Уставшие, мокрые, грязные — мученики этого дикого человека возвращались в бараки, а бараки почти не отапливались.

Седьмой батальон состоял преимущественно из русских. Когда Тимме прославился своей жестокостью, в его батальон стали переводить и пленных других национальностей. В начале января 1915 года в 7-й батальон перевели 30 (в чем-то провинившихся) англичан, которых Тимме подверг особому режиму и замучил прямо-таки до полусмерти.

Однажды мы были свидетелями такого случая. Дело уже было к весне 1915 года. Рано утром в батальоне вдруг послышался собачий лай. Все так и взглянули вопросительно друг на друга. Неужели Тимме в лагерь привел собаку и опять замышляет какую-нибудь новую пытку? Побежали к окнам. И действительно, на улице стоял Тимме и держал за цепь собаку, которая с лаем набрасывалась на одетого в лохмотья пленного. Пленный должен был дразнить собаку, собака нападала на него, рвала лохмотья пленного и бешено выла. Это зрелище повторялось каждое утро.

Вначале думали, что про эту проделку Тимме не знает комендант лагеря, но скоро оказалось, что мы ошибались. На подобные зрелища стали являться старший врач лагерной больницы и друзья Тимме из города. Значит, об этом знал-таки опять весь город и все высшие военные власти.

В ПЕРВЫХ ЛУЧАХ ВЕСЕННЕГО СОЛНЦА.

Зима приближалась к концу.

Мы уже привыкли к лагерной жизни. Нас больше не возмущали выходки Тимме, жизнь вошла в колею. Пленные стали меньше поговаривать о мире, многие стали совершенно апатичными ко всему. Сидели целыми часами на солнышке и не так быстро убегали, когда Тимме вздумалось проучить их своей нагайкой.

Голод все усиливался. Хлеба выдавали по-старому $^1/_8$ фунта, но обеденный суп постепенно становился все жиже и жиже. Смертность возрастала. С верхней части площади, которую занимал лагерь, видно было, как ежедневно из боль-

ницы отвозят куда-то в лес гробы. Передавали, что за лесом отведена площадь для кладбища военнопленных.

Некоторые уже стали получать из России письма. Начали возобновляться связи. Но ни о какой политической работе среди пленных, кроме собеседования с отдельными лицами, не могло быть и речи. Однако, все же в нашей работе были и некоторые результаты. Престиж российского самодержавия был подорван. Царизм защищали разве только фельдфебеля, подпрапорщики и некоторые из унтер-офицеров.

«Информационное бюро» слухов продолжало работать постарому. Каждый день приносил новости, которые с молниеносной быстротой распространялись по всему лагерю. Газет попрежнему не получали. Жили как в мешке, но это уже не так чувствовалось.

А яркое весеннее солнце стало пригревать все больше и больше.

ПЕРЕД ОТПРАВЛЕНИЕМ НА РАБОТЫ.

С приближением весны начали чаще поговаривать о предстоящей отправке на работы. В батальонной канцелярии собирали сведения о профессиях.

Это принесло новое оживление. Некоторые мечтали о побеге, многие надеялись на лучшую пищу.

В лагерь стали являться корреспонденты газет, представители дипломатических миссий, представители Красного Креста. Об этих посещениях знали всегда накануне, мыли полы, окна, выдавались новые колодки. И, конечно, все посетившие находили лагерь в порядке, и с виду действительно лагерь был культурным учреждением. Ни о каких жалобах не могло быть и речи.

В средних числах марта отправляли на работу первую партию. Потом вторую, третью. Куда, на какую работу отправляли эти три партии, — никто не знал. Место назначения для отправляющихся держалось в величайшем секрете. Только после разузнали, что эти три партии были отправлены на осушку болот Ганноверской провинции. Таким образом, запись на разные виды работы была комедией.

В ДОРОГЕ — НЕИЗВЕСТНО КУДА.

Скоро настала и наша очередь. Наша группа оказалась в списке одной из последних, и мы не попали на осушку болот.

Опять растворились тяжелые ворота, и в сопровождении конвойных мы пошли той же улицей, по которой в ноябре истекшего года проходили от вокзала в лагерь.

Приятно пригревало весеннее солнце. Звонко по всему полю раздавалось пение жаворонков. Хорошо было шагать по мостовой, нами же вымощенной.

На вокзале толпилось много народу. Провожали эшелон молодых солдат на фронт. Женщины плакали. Отправляющиеся были разукрашены цветами, держали себя гордо, как говорится, без слезинки, но при виде нас уже не махали кулаками и не издавали диких возгласов. Видно, пленные уже как бы вошли в общую семью и стали не врагами, как это было в ноябре.

Играла музыка, пели патриотические песни. Наконец, эшелон двинулся. Скоро подошел и наш поезд. Конвойные посадили нас в отдельное купе. Поезд помчал нас к новым местам.

На полях только кое-где пробивалась зеленая травка, деревья были еще совершенно голые. Через открытое окно волнами в вагон проникал свежий воздух.

Конвоиры оказались хорошими людьми. Рассказали нам, что везут нас на брикетную [1]) фабрику. Заговорили о войне, о новостях на фронте, спросили, — скоро ли мир. Конвоиры уже далеко не были такими патриотами, каких мы привыкли видеть вообще. При разговоре о мире они только вздохнули и ответили, что, по всей вероятности, не так скоро.

После нескольких остановок мы слезли и пошли по направлению к фабрике Гумбольта в Валлензене.

НА НОВОМ МЕСТЕ.

На фабрике был как-раз обеденный перерыв. В бараке нашли мы уже ранее высланных из нашего лагеря пленных.

---

[1]) Фабрика, где размалывается и прессуется уголь.

Они с величайшей поспешностью хлебали суп и вновь занимали очередь за добавкой. Ели с таким увлечением, что мы за обедом и не узнали, что и какая работа нам предстоит.

Нас, как новичков, встретили довольно вежливо. Накормили досыта супом; когда прогудел послеобеденный свисток, нас погнали на работу.

Работа была очень тяжелая. Уголь сухой, кругом все время столбом стояла пыль. Когда шел дождь, все превращалось в черную грязь, которая очень трудно смывалась. Поэтому немудренно, что фабричная дирекция и в мирное время любила порабощать больше пришельцев, нежели своих немецких рабочих, ибо последние были более требовательны; а на всей фабрике и в шахте было очень много недостатков, которые при более или менее организованных рабочих не были терпимы.

До нас в шахте работали немцы. Незадолго до нашего прибытия в Ганноверской провинции была проведена большая мобилизация, под которую попало большинство рабочих брикетной фабрики, как и шахтеров. Мы, пленные, как-раз должны были заменить ушедших.

Оставшиеся немецкие рабочие приняли нас приветливо. На одной работе, под одним ярмом капиталистической эксплоатации, мы стали близкими друг-другу, и не было уже врагов — немцев, русских, — была одна рабочая семья.

Весной 1915 года немецкие рабочие питались еще сносно. Во время завтраков можно было видеть у них и мясо, и масло, и колбасу, и сыр. Только к осени того же года все это стало постепенно исчезать.

По всей вероятности, мы имели самый ужасный вид, ибо немцы смотрели на нас с сожалением, и были нередко случаи, что во время завтраков они делились с нами последним куском хлеба.

И действительно, с непривычки работалось очень трудно. Ноги подкашивались от истощения и общей слабости. Рабочие-немцы, которые были с нами на одной работе, это видели и чувствовали. И с их стороны никогда не было никаких жалоб на нашу лень или невозможность сработаться с нами.

Другое дело—с мастерами, надсмотрщиками. С первых же дней мы с ними не поладили. Рабочие-немцы их боялись, и совершенно резонно, как выяснилось впоследствии; мы же

просто показывали зубы и с первых же шагов стали непримиримыми врагами. Особенно в натянутых отношениях были с управляющим шахтой... Это был второй Тимме.

ПЕРВЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ.

Вследствие общей истощенности и слабости организма, после многих месяцев ничего-неделания в лагере, отвратительного питания, пленные, конечно, не могли в своей работе поспевать за немецкими рабочими. Мастера и надсмотрщики стали следить за нами на каждом шагу; давали нам определенное задание и обещали не принуждать, если пленные, скажем, выгонят такое-то количество вагонеток. На следующий день задание увеличивалось. В первые дни работы обещали платить отдельно за выработку и отдельно за работу сверх установленной выработки. В следующие дни стали платить только за выработку, при чем ее изрядно увеличили. Таким путем довели до того, что пленные выполняли ту же норму, как и цивильные немцы.

Наиболее упорных, которые прекословили, старались различными способами уломать. Так, например, за обедом и ужином кухарка наливала им только одну жидкость без единой картофелины. Во время раздачи обеда против кухарки, обыкновенно тут же, на столике, сидел управляющий, и как только к столу подходил пленный, прежде чем наливать суп в его миску, кухарка смотрела на управляющего; последний кивком головы указывал ей, наливать ли в миску только одну жидкость, или же подбавлять и картошку.

Подобными мерами старались обуздывать непокорных. И нельзя сказать, чтобы управляющий не достигал своей цели.

Врач нас никогда не посещал. Только когда человек умирал, из ближайшего селения привозили врача, который даже больного пленного не мог выслушивать без издевательств.

С больными расправлялись весьма просто. Их силой вышвыривали из барака и при помощи караульного солдата отправляли в шахту. Самой достоверной приметой для администрации, — здоров или болен пленный, было то: ел он, или нет. Только тогда, когда больной не ел ни крошечки,

его не гоняли на работу. Но после голодовки, конечно, трудно было и больному воздержаться от еды.

В первые недели нам платили по 10 пфеннигов (приблизительно 5 коп.) в день. Работали мы 12 часов, с перерывами — $^1/_2$ часа на завтрак и 1 час на обед. Через месяц плату увеличили до 75 пфеннигов.

На работу и с работы нас сопровождали караульные, которые охраняли нас и на работе. Барак, в котором мы жили, охранялся днем и ночью.

ТОСКА ПО ЛАГЕРЮ.

Прошло лето. Наступила осень. Окружающие нас поля желтели и покрывались копнами. Кое-где на деревьях стали появляться золотистые листья.

Из барака на работу, с работы в барак, — каждый день одно и то же; все это настолько надоело, что хотелось вырваться из этой ямы и вернуться опять в лагерь.

Вновь прибывающие из лагеря пленные рассказывали, что там многое изменилось. Французы и англичане получают великолепные посылки, лагерного хлеба и супа не едят. Оставшиеся в лагере русские питаются хорошо. Стал мягче и лагерный режим; телесные наказания не применяются, французы и англичане открыли свои библиотеки, будто бы, есть и русская библиотека. Разрешается также устраивать спектакли, специально для этого отведен особый барак.

Все эти известия соблазняли нас, и мы поставили своей целью в ближайшем будущем вырваться во что бы то ни стало отсюда и попасть в лагерь. Там все же была не такая яма, как здесь.

Когда мы обратились к караульному офицеру с соответствующей просьбой, тот пожал плечами и заявил, что он имеет право отправить в лагерь исключительно больных, неспособных к работе. Значит, до поры до времени приходилось оставаться в Валлензене.

Один за другим мобилизовались рабочие-немцы, с которыми за лето наладились у нас отношения. Оставались еще только мастера и «незаменимые» рабочие, вернее сказать — те, которые любили подлизываться к управляющему и мастерам.

Более неспокойный элемент отправили уже раньше. Не даром рабочие так боялись администрации.

Теперь приходилось работать только со стариками, которые, кроме желания мира, ничего не знали и не хотели знать. С мастерами у нас не было ничего общего. Таким образом, мы фактически были изолированы и от немцев.

Не проходило и дня, чтобы нам эти же старички не рассказывали, что опять убит или ранен у того-то сын, брат, племянник, такой-то бывший рабочий брикетной фабрики убит и т. п. Настроение у немцев осенью 1915 года уже было подавленное.

С каждым месяцем ухудшалось и положение рабочих. На завтраках уже редко когда можно было видеть кусок колбасы, она стала роскошью и исчезла. Хлеб мазали тоненьким слоем свиного сала. Во время завтраков только и было разговоров, что о ценах на продукты первой необходимости. Те же старики и мастера ругали во-всю «бауэров» (крестьян) и подпускали иногда шпильки по адресу капиталистов, которые затеяли войну. О великодержавной Германии в ближайших к нам кругах уже не говорили. Наоборот, иногда, в задушевной беседе с глазу на глаз, можно было услышать уже и пораженческие нотки. И это было осенью 1915 года.

Осень же надвигалась и надвигалась. С полей убрали копны, стали копать картофель. Буковые леса покрылись золотистой листвой и во время заката давали чудные оттенки красок.

Потом пошли дожди. Ветер сорвал с деревьев последнюю листву. Кругом было мокро и грязно. С работы по вечерам все приходили мокрыми. И снова в нас возросли надежды вырваться отсюда в лагерь или, по крайней мере, попасть на другую работу.

ЗАБАСТОВКА.

В связи с ухудшением положения рабочих-немцев ухудшилось, понятно, и положение пленных. Нас стали хуже кормить. В лавочке уже ничего с'естного нельзя было купить. Кроме того, ввели и ночные работы. При том питании, какое мы получали, трудно было работать в ночную смену. Нача-

лись заболевания. Мастера и особенно управляющий шахтой стали вести себя вызывающе.

В один прекрасный день нам об'явили, что норма выработки увеличивается приблизительно на четверть существующей. Этот приказ пленные отказались выполнять и продолжали вырабатывать прежнюю норму. В ответ на это администрация стала сбавлять порции обеда и ужина. Пленные стали работать еще меньше, порцию уменьшили втрое, — пленные перестали совершенно работать. Уходили и приходили в шахты по гудку, но больше одной вагонетки никто не выгонял.

На второй день в шахту прибежала вся администрация, пришел и караульный унтер-офицер; грозили, наконец, стали уговаривать, но никаких результатов не достигли.

В субботу вечером нам об'явили, что так как сегодня не была выработана норма, то завтра отдых нам не будет предоставлен.

В воскресенье, в шесть часов утра, как и в будни, раздалась команда: «Austreten!» (выходи!), но из пленных никто не собирался выходить из барака. Тогда в барак вошли часовые и стали нас выгонять прикладами. Послышался крик, протесты. Наконец, барак очистили. Со штыками на-изготовку погнали нас в шахты; когда некоторые хотели вернуться в барак, часовые взяли ружья на прицел.

В шахте мы не приступали к работе, копались в угле, а вагонеток не насыпали. Видя, что ничего путного не получается, нас погнали обратно в барак.

Ждали, что будет дальше. Явился унтер-офицер в сопровождении управляющего и выкрикнул три наших фамилии (мою и двух Озолинов). Почувствовалось что-то неладное. Нас троих уже раньше администрация подозревала в организации забастовки.

Когда мы втроем вышли в коридор, унтер-офицер держал в руках три длинные веревки. Он трясся от злости и, видно, был страшно взволнован.

Ничего не говоря, унтер набросил на каждого из нас по стянутой в аркан веревке и потащил во двор. Признаться, такого казуса от унтера, который все же слыл хорошим человеком, мы не ожидали.

На дворе нас привязали к стоящим там же столбам. Привязывал сам унтер-офицер. Начал с аркана, стянул его довольно сильно и притянул веревкой руки и ноги к столбу.

Недалеко от нас собрались кучкой часовые, мастера и долго смотрели на это необыкновенное зрелище. На лицах мастеров и управляющего играла счастливая улыбка.

Не знаю, сколько времени мы висели, но нами успели полюбоваться местный пастор, потом доктор.

Мы молчали. Да и трудно было бы говорить, — веревка врезалась в шею, руки. В душе кипела злость... Стал накрапывать дождь, веревка мокла и натягивалась еще больше.

Наконец, решили нас освободить. Тот же унтер развязал веревки, и мы едва стояли на ногах. Промокшие веревки оттянули ноги, болели руки, шея.

Вечером всем троим об'явили, что завтра утром нас отправляют в лагерь, где посадят под арест, как бунтовщиков и подстрекателей.

Так кончилась наша забастовка. На второй день пленные вышли на работу, и, как передавали нам впоследствии, администрация уже больше не пыталась увеличить норму выработки.

ОПЯТЬ В ЛАГЕРЕ.

Радостно шагали мы с часовым на вокзал. Нас не страшил арест в Гамельне. Пусть что, но хуже валлензенской шахты не будет. По крайней мере, несколько суток побудем в лагере, узнаем, что творится на белом свете.

Утро было холодное, моросил мелкий дождик. Дорога была грязная, но мы шагали так быстро, что часовой еле-еле поспевал за нами.

На вокзале почти никого не было. Ждать пришлось недолго. В поезде мы заняли общее со всеми остальными пассажирами купе. На этот раз мы уже были вне всякого интереса для едущей публики. К осени 1915 года в каждом селении работали пленные, и появление их в вагоне принималось как самое обыденное явление.

Пассажиры вели между собой оживленные разговоры о войне, дороговизне, — двух вечных темах тогдашнего времени. Пережевывали старое. Для нас, встречающихся еже-

дневно с немцами, эти разговоры ничего интересного не представляли.

На улицах Гамельна можно было видеть почти исключительно военных, да отправляющихся в школу детей. Так как было утро, то на улицах встречались и военнопленные, которые командами направлялись на городские работы. В общем было серо. Не было и половины той пышности и чванства, что мы видели осенью 1914 года и даже весною 1915 года.

Прежде чем отправить нас в барак, повели в комендатуру. Там записали наши номера, конвоир передал отношение унтера, и нас отправили в знакомый нам 7-й батальон.

Проходя по главной улице, видели, что лагерь стал настоящим городком. Повсюду кишмя-кишели люди. В пленной массе преобладали иностранцы: англичане, французы, бельгийцы, изредка попадались уже и итальянцы, и сербы.

В 7-м батальоне нас встретил тот же Тимме, но и он казался иным; старожилы — старшие по группам — передавали, что это уже не тот зверь, хотя и хуже, конечно, всех остальных немецких фельдфебелей в лагере.

В бараках нашли новые порядки. Людей было несравненно меньше, да и те очень часто менялись: с работ приезжали больные, в лагере поправлялись, потом снова уезжали. Поэтому не было и тех строгих распорядков, что прошлой зимой. Пленные в общем считали себя более свободными.

НОВЫЕ ВЕЯНИЯ.

Во многом изменилась и внутренняя жизнь лагеря. Многое из того, что не разрешалось еще весной 1915 года, осенью того же года считалось неот'емлемым правом военнопленных. Взаимоотношения между пленными и комендатурой имели склонность прогрессировать в лучшую сторону.

В лагере функционировали французская и английская библиотеки. Обе библиотеки находились в маленькой комнатке, были пока еще скудны, но все же были библиотеки. Для общего «руководства» и наблюдения во главе библиотек был поставлен немецкий солдат, но фактически библиотекой каждой национальности заведывал один из пленных. В дни выдачи книг в библиотеку стекалась такая масса народу, что

кругом барака, где помещались библиотеки, все время толпились люди.

В комнатке, где помещались английская и французская библиотеки, на маленькой полочке с боку красовалась надпись: «Russische Bibliothek» (русская библиотека). На полочке по каталогу значилось 60 русских книг. Выдавались они непосредственно немецким солдатом, шефом библиотеки. Эти 60 книг были приобретены комендатурой лагеря и состояли из не разрешенных в России изданий. В большинстве это были издания Ладыженского в Берлине. Отметим некоторые из них: Л. Толстого «Воскресение», «Четыре евангелия», «Не могу молчать», попадались брошюры о еврейских погромах в России, было несколько сборников прокламаций «Земли и Воли», несколько произведений Максима Горького, Юшкевича, был сборник «Революционные песни», наконец, несколько книжек Герцена.

В русской части лагеря преобладали унтер-офицеры, фельдфебеля и подпрапорщики. Из рядовых в лагере могли удержаться только больные и переводчики. Все же здоровые рядовые солдаты после прибытия в лагерь на второй-третий день отправлялись в рабочие команды.

В лагере имелось что-то наподобие организации отделения Красного Креста, во главе которого стояли вольноопределяющиеся. Русской части лагеря тон задавал молодой вольноопределяющийся граф Головкин (в 1916 г. был переведен в офицерский лагерь).

В общем лагерем управляла черносотенная публика. Солдатской знати не могла нравиться горсточка книг революционного содержания, хотя и в кавычках. Кроме того, вся эта черносотенная братия считала лишним иметь для солдат библиотеку, да еще из книг заграничного издания. Поэтому не было ничего удивительного, что библиотеку не взлюбили с самого начала, не интересовались ею и даже не выдвинули библиотекаря русского. Всем прибывающим в лагерь (прибывающие проходили через канцелярии, которые возглавлялись исключительно черносотенцами) передавалось, что русская библиотека — «орудие немцев» и т. п.

Однако, несмотря на эту агитацию, пленные очень интересовались русскими книжками и разбирали их нарасхват. В библиотеке на полке не задерживалась ни одна книжка.

В лагере был уже и свой театр. Каждая национальность (за исключением итальянцев и сербов, их было мало в нашем лагере) имела свою театральную труппу. Труппы по очереди давали свои представления. Здесь чередовались концертные номера с цирковыми выступлениями, вслед за пьесой следовал балет. Театр своей целью имел исключительно одно развлечение.

У русских своей отдельной театральной труппы не было, но зато был хор, который об'единял то и другое. Участники русского хора занимали отдельный барак и были освобождены от всякой лагерной работы. Русский хор давал концерты, устраивал вечера малороссийской песни, которые всегда привлекали много народу.

В лагере был симфонический оркестр, состоящий приблизительно из 100 инструментов. Оркестр давал великолепные концерты, которые привлекали и постороннюю городскую публику. На генеральные репетиции всегда являлся сам комендант лагеря, — страстный любитель музыки (только благодаря этому обстоятельству и был создан оркестр) со своими городскими знакомыми.

В лагере были организованы и спортивные кружки. Для игры в футбол и в лаунтеннис были отведены особые площадки.

Библиотекам приходилось ютиться в маленькой комнатке, но для церквей — православной, католической, пуританской, баптистской отводились хорошо отделанные бараки.

При черносотенном большинстве русской части лагеря, главным образом, ее руководящей верхушки, православная церковь, во главе с оплачиваемым комендатурой священником, пользовалась наибольшим авторитетом и была одной из тех темных сил, которые угнетали все живое в лагере.

Казалось бы, что при всех этих условиях можно было все же работать. Но так только казалось. В действительности же работать было очень трудно, начатое часто срывалось и по «об'ективным» условиям не доводилось до конца.

В лагере преобладала солдатская знать — унтера, фельдфебеля и вольноопределяющиеся (в 1915—16 гг. их на работы не посылали). Из солдат в лагере были исключительно больные, состав которых вечно менялся, т.-е. если не умирали, то полубольными снова отправлялись на работы. С кем

тут было работать? Первые были заядлые черносотенцы, вторые абсолютно ничем не интересовались. Только этим и можно было об'яснить, что во всем лагере для русской библиотеки не нашлось и библиотекаря.

Если в лагере и были революционные элементы, то все они были разрознены и парализованы деятельностью черносотенного блока. Надо было их собрать, об'единить, что требовало долгой кропотливой работы, тем более, что отправкой на работы ведали черносотенцы; с рабочими командами никакой связи не имели, а возражающих великодержавному шовинизму просто не терпели и отправляли немедленно на работу.

Кроме того, крайне жестокое обращение немцев с русскими пленными на работах разжигало патриотические чувства, рождало чувство мести, и у черносотенного блока, у защитников отечества, всегда было в первые годы плена больше приверженцев. Многие просто побаивались открыто выступать, так как опасались попасть в списки революционеров, читающих революционные брошюры и т. п. Подобные списки с величайшим усердием составлялись нашими черносотенцами, и многие не без основания побаивались попасть в «черные списки».

Все это ставило немало препятствий нашей работе, а часто сводило ее просто на-нет.

КАК ЖИЛОСЬ НА ДРУГИХ РАБОТАХ.

В лагере среди больных встретили немало старых знакомых. Со многими из них в 1914—1915 гг. были в одном батальоне, знали их, как своих близких товарищей, рассказам которых можно было вполне довериться. И они поведали нам самые страшные вещи.

Самыми тяжелыми работами в лагере считались работы по осушке болот. В Винтермор, Ухтенмор весной 1915 года погнали больше всего народу. Большинство больных было как-раз оттуда.

Работа на болотах началась еще ранней весной. Работать приходилось по колено в холодной воде. В бараках негде было сушить мокрую одежду. Кормили плохо. Работы были казенные. Платили по 10 пфеннигов за 10-часовой рабочий

день. Однако, и на эти деньги можно было купить только табак и папиросы, так как в лавочке ничего другого не имелось. Обращение было самое скверное: били палками и плетками во-всю. Времена Тимме в лагере вспоминали как самые хорошие дни в плену.

Не лучше дело обстояло и в других местах по осушке болот. Из всех этих мест приезжали иссохшие движущиеся скелеты, которые ни о чем другом не хотели говорить, как только о хлебе.

Многие из находившихся в лагере больных успели побывать и в каменноугольных и соляных шахтах. Отовсюду раздавались вопли. Повсюду с пленными обращались, как со скотом. И того хуже! Скотину убьешь, — другую так скоро не получишь, а пленного всегда можно было получить из лагеря.

Провинившихся привязывали к столбам, сажали в карцер, нарочно кормили одной селедкой, а после этого не давали пить; клали в гробы и прикрывали крышкой, оставляя при этом небольшую щелочку для воздуха: лежащий в гробу не мог задохнуться, но ему чрезвычайно трудно было дышать. Словом, управляющие заводами, шахтами изощрялись в выдумывании все новых и новых форм наказаний, и их культурные головы в этом немало преуспевали. Здесь уже не говорил голос патриота 1914 года, когда он бросал в пленного камень или тухлое яйцо. Нет. Время пьяного патриотизма миновало. Это говорил голос эксплоататора, желающего высосать из каждого пленного все соки для обогащения себя за счет даровой рабочей силы.

Союзнические правительства очень резко реагировали на подобные безобразия и принимали контр-репрессивные меры по отношению к немецким пленным. Поэтому с французами, англичанами и др. уже с осени 1915 года обращались несравненно лучше, чем с русскими. К французам и англичанам приезжали представители Красного Креста, дипломатические агенты. Все они могли беседовать с пленными с глазу на глаз. Только русские пленные (отчасти и сербские) занимали особое положение, их никто не защищал.

Между прочим, это обстоятельство служило нам превосходным агитационным средством для агитации и пропаганды против российского самодержавного правительства:

Но не на всех работах пленным жилось так плохо. Были работы, где пленные чувствовали себя хорошо, где их хорошо кормили и обращались по-человечески. Но таких работ было мало, и на них работало сравнительно ничтожное количество пленных. Болота, шахты, заводы поглощали львиную долю массы пленных.

Наиболее хорошими работами считались крестьянские. У крестьян пленные работали без часового, могли ходить свободно по селению. Их и хорошо кормили. Многие из пленных прожили у хороших хозяев несколько лет без перерыва, вошли, как свои, в семью, впоследствии поженились и живут поныне в Германии.

Германское правительство боролось против подобных форм родства и преследовало слишком хорошие отношения между бауэрами (крестьянами) и пленными, но оно было бессильно что-либо сделать. Правда, «обжившихся» пленных старались снимать и перебрасывать на другую работу, но практически это встречало много затруднений со стороны крестьян. Хозяин или хозяйка, полюбившие и свыкшиеся с пленным (главным образом, женская половина), являлись в лагерь непосредственно к генералу, — начальнику лагеря, и в результате пленный торжественно водворялся на прежнем месте. После такой процедуры пленного уже не трогали.

БЕГУЩИЕ И ВОЗВРАЩАЕМЫЕ.

В пределах лагерной ограды двойной колючей проволокой был отделен особый барак, вокруг которого днем и ночью взад и вперед ходили часовые, по одному с каждой стороны. Это был барак арестованных; в нем помещались исключительно пойманные беглецы, ожидающие суда или просто административного взыскания.

В большинстве случаев это были беглецы-профессионалы. Многие из них уже неоднократно пытались бежать к голландской или швейцарской границам, но им не посчастливилось перейти пограничный кордон. На самой границе, или не доходя ее, они были пойманы, переведены в свой лагерь, и здесь в арестном бараке дожидались своей очереди наказания, т.-е. нескольких недель строгого ареста, смотря, кто какой раз бежал.

Нельзя было сказать, чтобы арестованные были совершенно изолированы от всех остальных пленных лагеря. Это была в большинстве случаев публика бывалая, изучившая психологию немецкого часового. По крыше, через проволочную изгородь арестованные перебирались чуть ли не на глазах часового, а ночью возвращались в свою тюрьму обратно. Некоторые из них целыми сутками не возвращались обратно в барак, жили среди других пленных в лагере, и комендатура их считала бежавшими вновь. Хотя в лагере часто и делались внезапные проверки, но беглецы-«беспаспортники», как специалисты в этой области, всегда находили способ укрыться. Однако, почему-то все же им не удавалось пробраться через границу.

Убегали, главным образом, с работ. Попытки побегов из лагеря никогда не венчались успехом.

Самым подходящим временем для побега считалось лето, но убегали и зимой. Побег считался своего рода героическим подвигом. Ведь, пробраться сотни верст по такой населенной стране, как Германия, без куска хлеба, в большинстве случаев без компаса и, конечно, без карты, без знания языка было не так легко, как это кажется с первого взгляда.

И в результате немногие лишь достигали конечной цели. Громадное большинство бегущих ловили, многие в бегах заболевали и сдавались сами. Среди тяжело больных и инвалидов можно было встретить немало таких, которые потеряли ноги и погубили навсегда свое здоровье в бегах. Много пленных погибло при переправе через реки и каналы.

Пытавшиеся бежать, пойманные и возвращенные, рассказывали много интересных эпизодов из своей беглецкой жизни. В этих рассказах было много неподдельного юмора, например, как немки нашли пленного спавшим в копне сена, испугались и с криком разбежались; как пленный, спрятавшийся на день в густых ветвях дерева, снимался целой толпой крестьян и, связанный, приводился в ближайший полицейский пункт, и т. п. В этих рассказах было много смешного, но немало и трагического, например, как бегущие бросались вплавь через реку, но ее переплывал один-

два, да и тех на противоположном берегу поджидали немецкие солдаты...

Пойманных и отбывших наказание снова отправляли на самые тяжелые работы.

МЫ И ОНИ.

Это чувствовалось не так на работах, как в лагере. Уже с лета 1915 года пленные делились на две совершенно противоположные группы: имущих и неимущих, буржуев и пролетариев. Я здесь подразумеваю под имущими, — буржуями, как величали их в плену, французов, англичан и бельгийцев, а под неимущими — русских и только отчасти сербов и румын.

С осени 1914 года до весны 1915 года все пленные жили в одинаковых условиях; все питались одной и той же пищей, гонялись за ложкой супу; все были иссохшие, полубольные. В лагере существовало полное равенство.

С весны 1915 года дело резко изменилось. Французы, англичане стали получать великолепные посылки, притом в большом количестве. В посылках посылали различного рода яства, и это дало возможность французам и англичанам жить и питаться хорошо, вплоть до шампанского, и совершенно не довольствоваться лагерной пищей. Все они великолепно одевались, имели по нескольку прислужников — из русских, которые за оказанные заслуги получали французские и английские порции хлеба и супу, равно остатки обедов и ужинов кухни последних.

Однако, все же тогда еще не было полного равенства среди тех же французов и англичан. Оно настало с осени 1915 года, когда французское правительство воспретило частную пересылку посылок пленным в Германию и взяло снабжение пленных на себя. То же сделали и английское и бельгийское правительства. С осени 1915 года все пленные Англии, Франции и Бельгии стали снабжаться именными посылками. За определенный период времени каждый пленный получал известное количество белых бисквитов, мясных консервов, сгущенного молока, шоколаду, белья, обуви и одежды. Если еще летом 1915 года среди французских и английских пленных были и свои неимущие (посылки полу-

чали, конечно, только богатые), то с осени все без исключения были сыты. То же самое было и на работах.

Сытость бельгийцев, французов и англичан сразу провела резкую грань во взаимоотношениях их с русскими. Так как первые были сыты по горло, то на остатки многие могли позволить себе иметь лакея — прислужника, русского, в особенности те, которые из дому получали деньги, а таких в лагере было много. Большинство французов имели прислужников, которые их обмывали, одевали и т. п. Русские обслуживали исключительно за порцию хлеба и миску супа, которые полагались французам с немецкой кухни. И надо сказать, что прислужники по сравнению с другими пленными жили хорошо: были сыты. Многие из больных русских поправлялись именно как прислужники.

По праздничным дням во французских, бельгийских и английских бараках шел пир горой, и далеко еще до получения обеда или ужина с лагерной кухни вокруг них толпились русские с мисками в руках и набрасывались, как вороны, на баки супа, которые не могли осилить прислужники.

Многие из французов и бельгийцев имели при себе целый штат русских лакеев: один стирал белье, другой чистил сапоги и дожидался утром его пробуждения, чтобы помочь одеться, третий стряпал.

Особенно бедность и богатство бросались в глаза по праздничным дням на большой улице лагеря. Французы, англичане и бельгийцы выходили одетые, что-называется, с иголочки. Все они имели по нескольку смен одежды, по нескольку пар обуви. Русские выходили в лохмотьях, одетые отчасти в одежду военнопленных, с лампасами [1]) и желтой повязкой на руке, отчасти в старую одежду французов и англичан.

Европейцы, кроме того, шиковали в лакированных ботинках или в хороших сапогах, русские едва-едва плелись в деревянных колодках, стуча и оглушая окружающих.

---

[1]) В знак отличия пленных от цивильных немцев, пленные должны были носить широкие желтые лампасы в шароварах и на рукаве, если платье не было солдатского образца.

Обыкновенно проходившие по улице немецкие часовые со смехом показывали на эту кричащую разновидность обитателей лагеря. Воистину, это были барин и нищий!

Это были — мы и они.

МЕХАНИКА ЛАГЕРЯ.

Лагерь был выстроен для 10.000 пленных, но к концу 1915 года в нем насчитывалось уже свыше 60.000, а к концу 1916 года около 100.000. Из этой массы в лагере находилось 4.000—5.000, остальные были на работах, но были прикреплены к лагерю.

Для обслуживания такой массы народа нужен был и мощный аппарат; необходимо было знать, где находится тот или другой пленный, так как почти на имя каждого пленного поступала кое-какая корреспонденция; особенно это касалось так-называемых европейцев — англичан, французов, бельгийцев, которые все время регулярно получали письма и посылки. Наконец, надо было ориентироваться и в самой массе пленных, т.-е. кого на какую работу посылать, и т. п. Пленные были разбросаны по всей Ганноверской провинции. Кроме того, из нашего лагеря команды пленных работали в Брауншвейгской и в других провинциях. При часто практикующейся переброске пленных из команды в команду, из лагеря в лагерь, необходимо было не только иметь мощный аппарат, но он должен был быть гибким и эластичным.

И действительно, аппарат, обслуживающий лагерь, в этом отношении был, казалось, верхом совершенства: с немногочисленным штатом служащих и работоспособный. Надо отдать справедливость, — 96.000 пленных, а в последние годы 100.000, находящихся на работах вне лагеря, обслуживались не хуже, чем 4.000, проживающих в самом лагере.

Лучше всего была организована работа так-называемого стола личного состава. Там в любое время можно было найти точную справку о каждом пленном: т.-е. где пленный находится в данную минуту на работе, какого он полка, роты, из какой губернии, уезда и волости, с какого времени в плену, сколько ему лет и т. п. Наконец, какого поведения: сидел ли под арестом, находился ли в бегах и т. д.

По сведениям личного стола работала и почта. Ежедневно в лагерь прибывали вагоны посылок. Надо было их переадресовать. И посылки не задерживались.

Весь аппарат двигали, главным образом, сами пленные. Немецкие солдаты были только в качестве наблюдателей.

НА ПЕРЕВАЛЕ 1915—1916 ГГ.

Был уже канун 1916 года, когда на почте, через работающих там товарищей, нам удалось конспиративно получить несколько номеров «Социал-Демократа». Пачка газет была адресована на имя русской колонии военнопленных в Гамельне, и следовательно, подобную корреспонденцию нам высылали неоднократно, но мы ничего не получали.

Из полученных номеров «Социал-Демократа» мы узнали впервые о Циммервальдской конференции и международном положении вообще. Еще раньше мы узнали от нашего шефа библиотеки об аресте Карла Либкнехта (надо заметить, что с немецкими солдатами вообще нельзя было говорить о Либкнехте: при произнесении слова «Либкнехт» они морщились и моментально старались перевести разговор на другую тему). Из того же «Социал-Демократа» мы узнали, что на каторгу осуждено пять с.-д. (большевиков) членов государственной думы. Словом, целую кучу новостей.

Случай с «Социал-Демократом» навел нас на мысль поручить товарищам следить за корреспонденцией. И действительно, мы скоро установили, что нас все время обкрадывали самым немилосердным образом. Вслед за «Социал-Демократом» наши товарищи стали конфисковать и другую революционную литературу, которая высылалась гамельнской колонии военнопленных из других городов Швейцарии и Парижа. Мы получили первую книжку «Коммунист», газету «Наше Слово», наконец, эсеровский журнал «На Чужбине», посвященный исключительно военнопленным, находящимся в Германии и в Австрии.

Это была находка, настоящий клад. Чтобы гг. цензорам все же была работа, и они не стали бы подозрительными, мы конфисковали на почте только часть литературы. Так дело продолжалось долгое время.

Потом положение изменилось еще в лучшую сторону. В один прекрасный день, уже летом 1916 года, нам из берлинской генеральной комендатуры прислали большую партию книг революционного направления. Это подействовало на наших «захолустных» цензоров, и после этого они стали пропускать свободно адресованную нам революционную литературу.

Как дело выяснилось впоследствии, в других лагерях, например, в Гольцминдене, лагерная цензура свободно пропускала всякую революционную литературу с самого начала войны. Такими привилегиями в Гамельне мы стали пользоваться только с лета 1916 года.

Нельзя сказать, чтобы пленные очень набрасывались на революционную литературу. Массы были слишком малограмотны, чтобы читать «Социал-Демократ», «Коммунист», «Наше Слово». Эти издания дальше ограниченного круга и не распространялись. Ходкой литературой в лагере и в рабочих командах был журнальчик «На Чужбине», редактируемый Виктором Черновым [1]).

В 1915 году в Берлине стала издаваться специальная газета для русских военнопленных — «Русский Вестник». Газета редактировалась в таком наивном духе германского империализма и притом так глупо, что ее фактически никто не читал. Получали ее из-за мягкой бумаги на особые нужды...

В нескольких посылках с сухарями как-то удалось получить кому-то внутренний лист газеты «Речь», отдельные лоскутки газеты «День» и «Сельский Вестник».

НЕОЖИДАННЫЙ УДАР.

Жизнь в лагере била равномерным пульсом. Одни за другими следовали театральные представления, симфонический оркестр давал регулярно общедоступные концерты. Раз в неделю выходила юмористическая французская газетка. Попы регулярно отправляли богослужение и морочили головы добродушным простакам. Французы щеголяли в своих только-что полученных форменных одеяниях. Словом, жизнь текла

---

[1]) В. Чернов — известный лидер социалистов-революционеров в то время был еще революционером.

по одному и тому же руслу изо дня в день. На горизонте было спокойно. Барометр никаких бурь не предвещал.

Вдруг, в один из прекрасных мартовских дней 1916 г., забегали по лагерю французы, передавая что-то друг-другу шопотом. Скоро долетели новости и до нас: слухи про готовящиеся в ближайшем будущем репрессии по отношению к французским военнопленным.

Вечером слухи подтвердились. В ответ на посылку немецких пленных французами в Марокко немцы решили применить репрессии к французским военнопленным, находящимся в Германии, и часть их послать на русский фронт копать окопы.

Этого никто не ожидал. Правда, все в лагере знали, что значительное количество русских военнопленных работают на французском фронте. Было время, когда французы возмущались этим фактом; возмущались не столько поведением немецкого командования, сколько поведением самих русских, ибо последние, по мнению французов, просто не должны были работать на фронте.

Отправке на фронт подлежало около 500 человек по особому списку, присланному из главной комендатуры. В список вошли по преимуществу самые выдающиеся лица в лагере, т.-е. большинство музыкантов, артистов и лиц интеллектуального труда. Никакие хлопоты лагерного начальства о замене некоторых другими не имели успеха.

На второй день вечером их так и отправили. После узнали, что наши гамельнцы работали в Курляндии. Такие же партии были отправлены и из других лагерей.

ПОСЛЕ РЕПРЕССИЙ.

Еще зимой поговаривали, что с наступлением весны всех находящихся в лагере отправят на полевые работы. Весна была на дворе. Ждали весенней мобилизации. И, конечно, дождались. В один из мартовских дней назначили смотр всем военнопленным лагеря. Это значило, что в этот день в лагере никто не будет работать, и все мы должны будем торчать на главной улице.

Накануне мыли бараки, подметали улицы. Рано утром, с 7-ми часов всех нас выстроили по отдельным отраслям

работы на главной улице, т.-е. отдельно почтовиков, библиотекарей, старших по группам, больных, инвалидов и т. д. Как полагается на подобных смотрах, ждали долго; только часам к 11-ти явился генерал из главной ганноверской комендатуры, обошел всех нас, и этим дело кончилось.

На второй день узнали результаты смотра. Лагерной комендатуре было предложено сократить штаты и выслать определенное количество рабочих на предстоящие полевые работы.

На следующий же день началась мобилизация. Сократили количество батальонных канцелярий, на почте заменили рядовых унтер-офицерами (работать на почте, в канцеляриях лагеря — считалось привилегией, на которую имели право только унтера, рядовые допускались лишь в исключительных случаях). Из рядовых оставили только тех, которые с точки зрения лагерной комендатуры были «незаменимы».

Вслед за этим началась отправка на работы. Разослали всех оставшихся в лагере музыкантов, артистов, расформировали русский хор. В лагере остались исключительно «незаменимые» должностные лица, больные и инвалиды. Прекратилась всякая культурно-просветительная работа. Кое-как функционировала только библиотека, и продолжала выходить французская газета.

В результате весенней мобилизации в лагере осталось только около 2.000 человек. Для такой большой площади, какую занимал лагерь, этого, конечно, было мало. Многие бараки пустовали. Лагерь казался вымершим. Жизнь оживлялась только по воскресным дням, когда на площади лагерные спортсмены играли в футбол, и их окружали толпы любопытных.

МЕСТО, ОТКУДА НИКТО НЕ ВОЗВРАЩАЛСЯ.

На расстоянии одной версты от лагеря, за холмом, покрытым буковым лесом, было расположено кладбище военнопленных.

С возвышенной части лагеря можно было наблюдать, как каждый день, около 11-ти часов утра, увозили умерших в больнице на кладбище. Начиная с осени 1915 года, умерших разрешалось сопровождать товарищам.

На кладбище умерших сопровождал всегда духовник соответствующей национальности и религии. Об этом лагерная комендатура беспокоилась больше всего.

Единственной нашей прогулкой вне проволочного заграждения было сопровождение умерших на кладбище.

На кладбище все время работала группа военнопленных; у них были уже выкопаны резервные могилы, они опускали гробы в могилу, засыпали их землей и ухаживали за могилами. Кладбище содержалось в хорошем состоянии. Это давало повод пленным говорить, что если бы немцы так обходились с живыми, как с умершими, то в Германии можно было бы жить долгие годы.

Еще зимой 1915 года по всем рабочим командам и в лагере открыли подписку на постройку памятника. Собрали приличную сумму. Наши лагерные архитектора (главным образом, французы) из пленных об'явили конкурс на постройку памятника и своими силами соорудили его к осени 1917 года.

В одно из осенних воскресений состоялось открытие памятника. На торжество погнали весь лагерь, явился сам генерал лагеря и произнес речь на тему — хорошо лежать в чужой земле в сознании, что боролся и умер за отечество.

Говорили и представители отдельных национальностей. Конечно, во всех речах восхвалялось отечество, и смерть за него выставлялась как высшее благо.

От имени русских военнопленных речь произнес фельдфебель, но он на этот раз уже не выражал мнения большинства, для которого идея отечества, национальная гордость постепенно стала вырисовываться в несколько ином свете, тем более, что это было уже после Февральской революции 1917 г.

Уставшими от долгого стояния и длинных речей, в сопровождении усиленного конвоя, возвращались в лагерь. Когда за нами захлопнули железные ворота, сердце щемила боль за лежавших на кладбище товарищей, которых лишили жизни тяжелые условия бессмысленного плена, и они легли в могилу и больше не вступят ногой на землю новой России, ради которой можно было выносить все страдания и не сойти с ума.

СПАСИТЕЛЬНИЦА-БРЮКВА.

С наступлением весны 1916 года продовольственное положение Германии сильно ухудшилось. Прибывающие с работ рассказывали о тех лишениях, которые терпят не только пленные, но и сами немцы, особенно рабочие. С весны 1916 г. единственной пищей городского населения была брюква, которую употребляли в пищу под разными видами, но, главным образом, в сушеном виде. Здесь, конечно, нельзя иметь в виду крестьян. Они все время питались хорошо. Сравнительно хорошо питались и пленные, жившие у крестьян.

Не то было в лагере и в рабочих командах. С апреля 1916 года в лагере варили суп на обед и ужин исключительно из сушеной брюквы с кусками какой-то вонючей рыбы. Суп был так безвкусен, что при самом бешеном аппетите его можно было с'есть только несколько ложек, дальше уже приходилось насиловать себя, чтобы хоть как-нибудь заполнить желудок.

Про спасительницу брюкву в лагере складывались вирши, распевались частушки; решали-гадали, чем будем питаться весной 1917 года, если в 1916 году брюква в Германии не уродится. Загадку разрешил агроном-пленный, поясняя, что при всяких условиях неурожая хлебов и овощей брюква в Германии всегда дает великолепный урожай...

Пленные чаще стали заболевать катаром кишечника и отправлялись в могилу.

Однако, все же в лагере мы были в несколько лучших условиях, чем русские пленные в рабочих командах. В лагере было много французов, англичан, бельгийцев; все они снабжались бисквитами, белым хлебом, консервами и другими продуктами. У них можно было кое-что купить или получить просто милостыню. Это как-никак поддерживало наше существование.

Всего этого не было в рабочих командах, где в большинстве случаев русские пленные работали одни. Прибывающие оттуда в лагерь пленные набрасывались, как голодные волки, на наш лагерный суп, который мы ели с отвращением; рыскали, как собаки, копались в помойных ямах и ели все, что только попадалось под руку.

Англичане рассказывали эпизоды из нашей же лагерной жизни. Вот один из них. Иногда по тем или иным причинам запаздывала почта, и англичане получали присылаемый им хлеб несколько заплесневевшим. Попорченный хлеб, понятно, перепродавался русским, совершенно испорченный— просто бросался в помойную яму. И вот англичане стали наблюдать, что русские вытаскивают из помойной ямы хлеб, обмывают его и едят. Как джентльмены, они хотели избавить русских от такого неприятного занятия и стали обломки сгнивающего хлеба бросать в отхожие места. Русские это проследили и стали выуживать оттуда хлеб, обмывать его и есть попрежнему.

Англичане возмущались подобными поступками голодных русских, величали их свиньями и развивали теорию, что русские принадлежат к низшей расе...

Понятно, что брюква для русских пленных была действительным средством спасения от голода, и можно было только жалеть, что и той же брюквы не давали вдоволь...

БРАТУШКИ.

Поздней осенью 1915 года в лагерь прибыла значительная партия сербских военнопленных. Они сражались с самого начала войны на передовых позициях и взяты были в плен осенью 1915 года при разгроме сербской армии.

Если говорить, что осенью 1914 года пригнанные в лагерь русские пленные напоминали из себя нищих, то сербские пленные такими были вдвойне. Исхудалые, оборванные, ободранные, босые, они еле-еле передвигались.

В большинстве случаев неграмотные, неразвитые, они гораздо хуже самых отсталых наших крестьян разбирались в самых элементарных вопросах. Они не чувствовали, да и по своей неразвитости не могли понять, какой игрушкой они были в руках империалистических хищников.

Русские сразу сошлись с сербами. Этому, конечно, способствовало славянское наречие и все же общее культурное равенство. Сербы русских называли братушками, русские сербов так же. Сербы гордились, что на их стороне «великая Россея».

Не разбираясь и не понимая ничего в международной обстановке, сербы чрезвычайно сердиты были на болгар. Они убеждали каждого встречного, что Сербия разбита только благодаря вмешательству Болгарии. Среди сербов были старики под 60 лет; попадались довольно часто отцы с сыновьями. И все они, как один человек, горели желанием по возвращении из плена, не возвращаясь в свои очаги, начать сейчас же кампанию против коварной Болгарии. Они знали только свое отечество, — ничего более, и неудивительно, что на этих струнах болезненного национализма великодержавный империализм мог разыгрывать свои мелодии.

Многие из сербов не вынесли ужасов германского плена. Они умирали, как мухи, от различного рода болезней и, умирая, горели национальной ненавистью к своим соседям, — к таким же маленьким и слабым народностям.

ПОСЕЩЕНИЕ ЛАГЕРЯ СЕСТРОЙ МИЛОСЕРДИЯ.

Во второй половине лета 1916 года лагерь посетила сестра милосердия Российского Красного Креста. О ее приезде мы знали от лагерного священника еще за несколько недель до этого.

От посещения лагеря сестрой милосердия русские военнопленные ожидали очень многого. Наши столпы лагерного черносотенства собирали различного рода сведения, конечно, не забывали и про революционную деятельность отдельных пленных в лагере.

Признаться, нам не особенно нравилось ее посещение. Было ясно, что она пленным ничем не поможет, наоборот, может только напортить. Боялись за библиотеку, которая к этому времени разрослась в солидное книгохранилище; мы аккуратно стали получать из Швейцарии революционную литературу; книги в библиотеке были, главным образом, революционного направления. Сестра, конечно, это могла разузнать и через лагерную комендатуру потребовать частичного ее очищения. И лагерное начальство пошло бы ей навстречу.

Пленные, особенно больные, очень ждали «сестрицу». Им казалось, что стоит только рассказать ей свои горести, — и с них все как рукой снимется.

В день прибытия сестры русская часть лагеря была как на крыльях. И когда она в сопровождении генерала явилась в лагерь, ее сразу окружила толпа пленных; встреча была настолько искренняя, что многие плакали, плакала и сестра...

Сестра была среднего роста, довольно тучного телосложения. Она энергично принялась за обследование лагеря. С ней неразлучно ходил лагерный священник.

Подолгу она говорила с пленными. Расспрашивала про житье-бытье. И ей было передано все до мельчайших подробностей о том, как с русскими пленными обращаются на работах, как приходится голодать, и т. п. Для того, чтобы сама сестра могла убедиться, что все сказанное правда, ей были даны адреса наиболее тяжелых работ, где находились русские пленные. Как выяснилось после, сестра побывала повсюду. В энергии ей отказывать не приходилось.

Она передала пленным привет от Александры Федоровны, уверяя пленных, что в России их не забывают, а императрица готовит подарок, который мы получим в самом ближайшем будущем.

Однако, ее словам мало кто верил, и ей пришлось выслушать целый ряд упреков по адресу российского правительства, — что последнее забыло пленных и, не в пример французскому и английскому правительствам, ничем не помогает; пленных обижают, их костьми покрыта вся Германия, Россия же ничем не реагирует. Сестра старалась оправдываться тем, что в России про это ничего не знали, не знали, что пленных в Германии так много, после ее возвращения в Россию ошибка будет исправлена, и тому подобное.

Сестра не забыла осмотреть библиотеку. Первый вопрос, который задала она мне, как библиотекарю, был, не еврей ли я. Получив ответ, что я — латыш, она, казалось, успокоилась и стала беседовать с библиотекарем-французом. Библиотека была спасена. Бедненькая! Она была убеждена, что революционной пропагандой в плену занимаются только евреи.

Сестра уехала. После от прибывших из офицерского лагеря денщиков узнали, что г-жа Витте (это была она)

побывала и там. Офицерам она говорила: «Храните, господа, свое здоровье, ваши силы еще понадобятся царю-батюшке!»

И действительно, эти силы понадобились белогвардейцам. Сестра Витте не ошиблась.

ГАЛЕТЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ.

После от'езда сестры стали ждать обещанных подарков. От тех же денщиков узнали, что офицеры уже получили от Александры Федоровны свиное сало и другие продукты. Значит, очередь была за рядовыми.

В один прекрасный день, уже под осень, кто-то прибежал из Красного Креста и торжественно заявил, что подарки уже на вокзале и завтра будут в лагере.

Простодушные всю ночь гадали, чем наградит Александра Федоровна исстрадавшихся пленных. Предположений было много. Но тем больше было разочарование. На второй день, когда ящики перевезли в лагерь и стали раскрывать, все так и ахнули: Александра Федоровна, действительно, наградила пленных «подарками» — черными сухарями (галетами), евангелиями и молитвенниками.

Каждый пленный получил по четыре галеты. Галеты были так тверды, что их нужно было мочить двое суток подряд, и только после этого их можно было более или менее жевать. Без этого галеты в твердом виде были похожи на камень и не поддавались никакому зубному механизму, хотя бы и самому здоровому и проголодавшемуся.

После еды размягченных сухарей тошнило, и долгое время мучила изжога.

Подарки Александры Федоровны послужили нам хорошим агитационным средством. Черносотенцам подарки душили горло. По всей Германии пошла гулять легенда про сухари Александры Федоровны, которые ни зуб не берет, ни желудок не переваривает. Французы специально покупали галеты или обменивали их на свои белоснежные бисквиты, чтобы иметь на память этот «императорский подарок» и смеяться при всяком разговоре о русском царизме. И было над чем посмеяться.

Когда в Красном Кресте открывали ящики с галетами, французы приходили смотреть, чтобы воочию убедиться в их

подлинности; некоторые из них втихомолку справлялись, не подосланы ли галеты немцами, чтобы скомпрометировать в глазах русских пленных их «законное» правительство.

Галеты присылались вплоть до Февральской революции, и за ними сохранилось название сухарей Александры Федоровны.

Вопреки стараниям лагерного священника, никакого влияния на пленных присланные евангелия и молитвенники не имели. За годы плена многие стали атеистами, по крайней мере, не были религиозными фанатиками, и присланная партия евангелий только раздражала их.

ЧЕРНОСОТЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ.

Представительство Красного Креста образовалось из самих военнопленных в лагере на выборных началах в конце 1915 года. Оно строилось по образцу и подобию французского Красного Креста. Впоследствии эту организацию захватили фельдфебеля и унтера, оставшиеся в лагере в большинстве после того, как рядовые солдаты были разосланы по работам. В конце 1916 года в русском Красном Кресте заседали люди не по выбору, а по назначению лагерных черносотенных верхов.

По существу это была типичная черносотенная организация. В бессильной злобе она преследовала все революционное и всю свою деятельность направляла на борьбу с крамолой. И нельзя сказать, чтобы они не имели успеха. Выдавая получаемые из России, Дании и Голландии крохи продуктов, они все время находились в общении с пленными, прибывающими с работ, исстрадавшимися, больными, враждебными ко всему немецкому; им-то черносотенцы внушали, что революция в России — это затея немцев, и революционеры в лагере — немецкие агенты, революционные книжки — германское производство. И нам стоило больших усилий, чтобы рассеять подобные взгляды, и, нельзя сказать, что нам всегда это удавалось. Значительная часть пленных думала, что лагерная библиотека — исчадие ада, сотворенное по поручению германского Вильгельма.

В материальном отношении помощь Красного Креста в лагере была ничтожна. Красный Крест распределял только

те крохи, которые ему высылались, а высылались, действительно, только крохи. В то же самое время, когда французский Красный Крест, бельгийский Красный Крест ломились от изобилия продуктов, в русском Красном Кресте можно было найти только ящики. Проходили недели, месяцы, а по адресу русского Красного Креста не поступало ни одной посылки с продуктами.

Приезд и обещания сестры Витте ничего не дали, кроме самого ограниченного количества ящиков с галетами Александры Федоровны. Не помогли и неоднократные обращения за помощью.

Сравнительно большому штату Красного Креста нечего было делать, и эти ничем не занятые люди занимались делом, которое ближе всего было их сердцу, т.-е. черносотенной агитацией. Во время Февральской и Октябрьской революций в 1917 году этот пункт стал цитаделью настоящей контр-революции.

АНТИСЕМИТИЗМ.

Та ужасная ненависть, которая наблюдалась на фронте еще в 1914 году по отношению к евреям, проповедывалась и поддерживалась офицерством, была перенесена и в Германию. Великодержавный шовинизм свои неудачи на фронте об'яснял исключительно предательством евреев... История еврейских расстрелов, возмутительного отношения к еврейскому населению в Польше во время империалистической войны еще не написана.

Словом, все это безобразное отношение к евреям было перенесено в Германию, в лагеря военнопленных. Но здесь обстановка в корне изменилась. В лагере к евреям уже нельзя было относиться, как к ним относились на фронте. Здесь все были на одинаковых правах: не было ни эллинов, ни иудеев, — были русские военнопленные. Такое положение поставило евреев на одну доску со всеми русскими воинами, чего не было на фронте.

Наоборот, в первые же дни евреи оказались в более выгодном положении. Большинство владело немецким языком, и чтобы об'ясниться с немцами, тем же антисемитам надо было за посредничеством обратиться к евреям.

Дело пошло и дальше. Евреи заняли места переводчиков. Конечно, изрядное количество переводчиков было и из других национальностей — немцев, латышей, эстонцев, наконец, тех же русских, но все же евреи были в большинстве. Так как во многих случаях дело зависело отчасти и от переводчика, то, естественно, те же самые черносотенцы часто становились в непосредственной зависимости от евреев и других переводчиков.

Как среди всех переводчиков других национальностей были хорошие и плохие, так и среди евреев. Малоразвитые, обижаемые везде и повсюду в России, некоторые, действительно, вели себя некорректно, но только отдельные единицы. Этими отдельными случаями и пользовались антисемиты и распространяли про еврейских переводчиков различного рода небылицы.

Антисемитам хорошую пищу давало еще одно обстоятельство. В царской армии евреи не могли занимать никаких командных должностей; все евреи должны были служить исключительно рядовыми солдатами. Поэтому в плену в солдатских лагерях очутилось значительное количество интеллигентов-евреев, которые при другом режиме были бы офицерами и в плену находились бы в офицерском лагере. Интеллигенты-евреи в плену, как знающие немецкий язык, работали в комендатурах, в канцеляриях и т. п. Не понимающим этой «хитрой механики», действительно, казалось, что в плену командуют всем евреи. И надо войти в психологию русского военнопленного, который, по нашептыванию своего начальства, еще недавно в Польше громил «жидов», а теперь видел их во главе, чтобы понять всю силу антисемитской волны, которая прокатывалась из угла в угол по Германии в годы этого ужасного плена.

В условиях плена было очень трудно бороться с антисемитизмом. Здесь черносотенцы часто имели перевес, и нам приходилось только обороняться.

Черносотенцы готовили евреям горячую баню по возвращении в Россию. Многие из них открыто говорили, что в эшелоне отправляющихся военнопленных на родину свернут шею евреям и повыкинут их через двери...

Нет сомнений, что при всех других условиях это было бы и сделано. Проведению таких планов помешала революция.

ПОЛЬСКИЕ ЛЕГИОНЕРЫ.

Зимой 1916 года в лагерь прибыла партия польских студентов. Это была по преимуществу зеленая молодежь, учившаяся в университетах Бельгии и водворенная в лагерь военнопленных на правах цивильных пленных, как подданных России. До прибытия их в Гамельн они содержались в Гольцмюндене, в лагере цивильных пленных.

С первых дней мы-было не поняли, для чего собственно эти польские юноши были присланы в солдатский лагерь. Сами же они, будто бы, ничего не знали, кто и зачем их пригнал в наш лагерь.

Как-раз в то время в лагере организовалась школа. Мы предложили студентам принять участие в работах школы в качестве ее преподавателей. Студенты наотрез отказались. Это стало наводить нас на некоторые размышления.

Приезжающие с работ пленные обыкновенно имели целые кучи просьб и заявлений в лагерную комендатуру. Лучше всего подобные заявления и просьбы было излагать на немецком языке. Пленные стали обращаться к студентам-полякам с просьбой изложить их нужды по-немецки. Студенты снова категорически отказались это делать. Мало того: при каждом посещении русскими пленными отведенного полякам лагеря последние явно давали чувствовать, что между ними и нами нет ничего общего. Тогда только для нас стало ясно, что мы имеем дело с людьми германской ориентации, которые, подобно немецким шовинистам, на нас, пленных, смотрят, как на врагов.

И действительно, студенты скоро уехали, и товарищи, работающие в комендатуре, раскрыли тайну: вся группа студентов поступила в польский легион и была отправлена на русский фронт бороться за «великое будущее» белого орла.

Теперь, когда Польша, в лице имущих классов ее, с пеной во рту выявляет свои дружеские чувства к капиталистической Франции, не мешает напомнить, что было время, когда те же польские магнаты об'яснялись в любви германским империалистам и, как залог «вечной дружбы», посылали

на бойню свою зеленую молодежь против «прекрасной» Франции.

Это ирония судьбы для германских империалистов, всех Гинденбургов и Людендорфов, наглядный урок того, как «делается» политика.

ОБРЕЧЕННЫЕ.

В лагере мы все знали, что значительное количество русских военнопленных работает на французском фронте. Однако, никто из нас не знал, как живется этим несчастным, так как оттуда в лагерь никто не прибывал. Но одно говорило за ужасные условия работы в прифронтовой полосе: это — ежедневные извещения в комендатуру лагеря о смертных случаях.

Как доходили эти сведения до нас? Просто: наши же товарищи вели картограмму личного состава, им и приходилось отмечать все случаи смертей.

Из прифронтовой полосы в лагерь не посылались и больные. Поэтому мы в лагере только знали о прифронтовых работах русских военнопленных, но ничего не знали о характере этих работ.

И вот в конце 1916 года в лагерь пригнали значительную партию измождненных, измученных русских пленных. Все они были в лохмотьях не то русской, не то французской основы.

За время пребывания в лагере приходилось видать различные виды. Взгляд как-то привык к душу раздирающим картинам. Неоднократно в лагерь пригоняли полуживых людей-трупов на поправку, и через некоторое время их снова угоняли куда-нибудь на осушку болот, работу в шахтах и т. п. Подобные картины были нам знакомы. Но та, какую представляла собой эта партия прибывших с фронтовых работ русских военнопленных, превзошла все предыдущие. Это был один кошмар. Люди походили на диких зверей, нельзя было добиться от них ни единого слова. Как голодные волки, они прорывались через цепь их окружающих часовых, когда где-нибудь поодаль видели что-то в роде отбросов, помойной ямы возле кухни и т. п. Блуждающим взглядом они озирали окружающих и, казалось, ждали от всякого с ними разговаривающего удара.

Состояние пригнанных в лагерь пленных было таково, что их несколько дней под-ряд сочли необходимым держать в отдельной части лагеря, огороженной от всей остальной части лагеря сеткой колючей проволоки. Кто хотел бы видеть диких зверей в образе человека, тому надо было подойти к ограде. К сожалению, в нашем распоряжении не было фотографического аппарата для увековечения этих ужасных видов на пластинке (иметь фотографические аппараты пленным воспрещалось, и их нельзя было приобрести ни за какие деньги).

Только дней через 5—6 эту толпу обезумевших решились выпустить из-за ограды. Они все, как один человек, сейчас же разбрелись по лагерю в поисках отбросов, помойных ям; как маленькие обезумевшие дети, они сидели по целым часам на корточках, разбирая по канавам, ямам всякую дрянь, и пожирали тут же, на месте, все, что только казалось более или менее с'едобным.

С некоторыми из них, наиболее здоровыми и сильными, уже можно было разговаривать. И они поведали нам что-то страшное, что невозможно передать на бумаге. На фронтовых работах они пробыли больше года. Жили в самых ужасных условиях. С ними обращались так скверно, питали так отвратительно, что многие из пленных сами бросались на штыки охранявших их солдат и повисали на них. Работать приходилось в болотистой местности по колено в воде; над работавшими все время витали французские аэропланы, бросавшие на них бомбы. Ложась на ночь спать в каком-нибудь полуразрушенном здании, они каждый вечер прощались друг с другом, так как ночью могли быть убиты бомбой французского аэроплана или снарядом дальнобойного орудия.

Это были обреченные на смерть существа, которые, кроме животного чувства самосохранения, ничего другого не имели.

Спрашивается: об этом не знала культурная Европа? Эти ужасы не были известны царскому правительству? Нет, об этом знали все, так как все эти ужасы творились на глазах у всех, ибо неоднократно русские военнопленные, работающие на фронте, забирались в плен французскими войсками.

Как только изнуренные пришли в себя, т.-е. несколько поправились на лагерных отбросах и спасительной брюкве, их сейчас же снова погнали на осушку болот. В лагере не оставили никого, кто работал в этой команде обреченных.

NICOLAS.

Пошли осенние дожди, и с русского фронта вернулись ранней весной посланные на окопные работы французские пленные. Германское и французское правительства столковались между собой, и репрессии по отношению к пленным были прекращены. В результате соглашения и явилось возвращение французских пленных с русского фронта.

После ужасной картины, которую представляли русские пленные, работавшие на французском фронте, мы предполагали увидеть французов изнуренными и измученными. К нашему величайшему удивлению, они выглядывали бодро. Оказалось, что они все время регулярно получали присылаемые им из лагеря Красным Крестом продукты, питались хорошо и, конечно, при подобных условиях не страшны были и работы на фронте. Кроме того, на русском фронте в то время было сравнительное затишье; среди французов не было ни одного убитого или умершего.

Радостям французов в лагере не было конца. Нам же приходилось безмолствовать, так как взамен пригнанных с французского фронта русских военнопленных на те же работы, в ту же часть фронта послали недавно другую партию русских, и оттуда уже стали поступать бюллетени о смертных случаях...

Разница между нами и ими была «небольшая»: французы работали на фронте только благодаря примененной к ним репрессии, и то короткое время, приехали с фронта бодрыми и здоровыми, — русские пленные без применения к ним репрессий работали на фронте все время, не возвращались вовсе или, если прибывали в лагерь, представляли физически и душевно больных, истощенных, изнуренных, напоминающих диких зверей...

То были: мы — «азиаты», они — «европейцы».

Маленький курьез. Французы с русского фронта привезли прирученную ворону. Ворона прихрамывала на одну

ногу, и французы прозвали ее Nicolas (Николя). По кличке Nicolas ворона бегала за пленными и была падка на мясо. Как только кто-нибудь из французов в лагере жарил мясо, Nicolas по запаху летела туда, каркала и успокаивалась только тогда, когда получала свою долю.

Nicolas был прообразом русского царизма, и французские патриоты не особенно были рады, когда русские пленные хромую на одну ногу ворону стали величать Nicolas der zweite (Николай Второй).

Участь Nicolas была весьма плачевна. Несмотря на общую любовь к вороне, Nicolas кто-то из французов зарезал и с'ел, — видно, в погоне за вкусным мясом...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПЕРВЫЕ ВЕСТИ О РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ.

Зима кончилась, и мы в лагере ждали обычной весенней мобилизации, выметающей все живые силы и прекращающей всю духовную жизнь лагеря опять до следующей осени.

Было уже начало марта нового стиля. Весеннее солнце смеялось на ясном небе. Бывали изредка уже теплые весенние дни.

В один из таких весенних солнечных дней по лагерю прошел слух о вспыхнувшей в Петрограде революции. Думали, что это обычная утка, какие пускались немецкой прессой, тем более, что в последние дни газеты очень много внимания уделяли русским делам. Подобным известиям нельзя было очень верить, так как в большинстве случаев они были сплошным вымыслом; революция по нескольку раз вспыхивала и в Париже, и в Риме. Газетные утки приучили нас быть осторожными и зря не увлекаться.

Но слухи росли. Мы настораживались.

Кто-то прибежал в библиотеку из Красного Креста проведать, что у нас слышно. Будучи противоположными полюсами, — библиотека и Красный Крест, — мы все же взаимно информировали друг-друга. Общие условия плена, жизнь на чужбине нас несколько сблизили в этом отношении.

Вдруг впопыхах в библиотеку прибежал один из французов и торжественно заявил, что он только-что читал принесенную из города телеграмму, в которой, действительно, сказано, что в России вспыхнула революция. В эту минуту с сияющим от радости лицом вошел наш шеф Шликер и подтвердил то же самое.

Значит, правда! Пришла она, долгожданная! Революция в России! Сколько о ней мечтали! Неужели? Сразу так и не верилось. Мы в лагере, признаться, больше верили в ответственное министерство, чем в восстание. Слишком уж мы были оторваны от всего дышащего жизнью. Революция! Но, ведь, у нас пока еще нет никаких данных, кроме телеграммы. Возможно, что настоящей-то революции и нет!

Однако, полученные подтверждения окрылили наши надежды. И радостное известие пошло гулять по лагерю, передавалось из барака в барак, из уст в уста.

Потом выяснилось, что в телеграмме говорится о провозглашении в Петрограде временного правительства и присоединении к нему петроградского гарнизона. Мы уже стали понимать, что это, действительно, начало революции.

Но надо было видеть, какое лицо корчили наши друзья французы. Необходимо иметь в виду, что в лагере почти не было французов-рабочих, так как все они находились на работах вне лагеря. Подобно русским, в лагере могли оставаться, главным образом, фельдфебеля и унтер-офицеры, которые в своем подавляющем большинстве были из мещан и мелких буржуа и отличались бошеедством и требованием войны до конца. К ним примыкала и лагерная интеллигенция. Отсюда вся та неприязнь к русской революции со стороны французов. То же необходимо сказать и про бельгийцев и отчасти англичан. Еще раньше, задолго до революции, говоря о судьбах России, французы придерживались того мнения, что революция необходима, но только не во время войны. Революция в России — поражение союзников и победа бошей (так ругали французы немцев). Так думали наши союзники в плену. Поэтому ясно, что известие о вспыхнувшей революции выбило их из колеи, и они выходили из себя.

Насколько вести о вспыхнувшей революции вызвали великую радость среди русских военнопленных, настолько французы, а за ними бельгийцы и англичане чувствовали себя подавленными.

День прошел в гаданиях. Пленные бегали из барака в барак, ловили на-лету слухи о событиях в России, перефразировывали их, подчас в измененном виде передавали дальше. Лагерь кипел, как в каком-то котле.

Вечером работающие в городе принесли газету. Узнали подробности переворота. Нас они не удовлетворили. Там говорилось о предполагаемом отречении Николая и вступлении на престол Михаила. Это ли революция? Мы ждали переворота, после которого не могло быть никаких разговоров об отречении и вступлении на престол другого.

Мы были разочарованы. Это была не революция, а смена царей — плюс, пожалуй, ответственное министерство, о котором так много говорило русское общественное мнение.

Наутро французы встретили нас более приветливо. Они поняли, что это не революция, а простой парламентский переворот.

Значит, в России по существу ничего не изменилось. Французы успокоились, а мы с нетерпением стали ждать более подробных сведений и продолжали мечтать о новой, настоящей революции в России.

В ДНИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОРЫВОВ И ОЖИДАНИЙ.

Известия последующих дней рассеяли первоначальное недоверие. Образование в Петрограде Совета рабочих и солдатских депутатов, более подробные сведения о событиях 12-го марта говорили о том, что в России, действительно, вспыхнула революция, и о монархической России уже не приходится говорить. Революционная волна поднялась высоко, море вышло из берегов и начало смывать нечистоты и застоявшуюся плесень.

Нашим радостям не было конца. На этот раз мы ход революции, пожалуй, переоценили, точно так же, как вначале недооценили. Пленные поздравляли друг-друга со свободой. Было так хорошо, и хотелось в Россию...

На первых порах в лагере сгладилась взаимная вражда. Черносотенцы присмирели и сами высказывали революционный восторг. Первая радость была так велика, что все казалось в каком-то розовом свете. Рабочие и солдатские советы, свобода слова, собраний, — от всего этого кружилась голова. Неужели Россия дожила, наконец, до этого свободного дня!

Наши союзники-французы недоумевали. В немецких газетах стали появляться сведения о том, что переворот в Рос-

сии совершен не без некоторого участия союзнических дипломатических миссий. Что это значило? Не что иное, как продолжение войны, а французы больше всего боялись сепаратного мира, на который, по мнению их, должна была пойти Россия в случае революционной вспышки.

В немецких газетах заговорили о бесполезных мечтаниях ожидать от переворота в России мира. Французы ожили: поскольку продолжение войны обеспечено, все хорошо.

Нас, русских пленных, такая точка зрения, конечно, не удовлетворила. Мы от революции прежде всего ждали мира. Хотелось верить и верилось, что русская революция — пролог всемирной, и как таковая, она окажет величайшее влияние на ход мировой империалистической войны.

Первые недели революции после 12-го марта были для нас всеобщим праздноством. Все мы упивались революционной стихией, которая все более и более захватывала Россию. В лагере пленные только и говорили, что о революции. Черные силы лагеря как бы спрятались. Их будто и не существовало. Фельдфебеля, составлявшие списки революционно настроенных пленных, стушевались, казались такими маленькими и жалкими.

Несколько ослабел и политический режим в лагере. Разрешили выписывать немецкие газеты; лагерная цензура стала пропускать адресованную нам революционную литературу без всяких задержек. Воспользовавшись либеральным снисхождением лагерной комендатуры, получили разрешение прочесть доклад на тему «Переворот в России». Это было наше первое публичное выступление. Цензура потребовала, чтобы доклад был первоначально написан и представлен ей на просмотр; к написанному докладу не разрешалось добавлять ни слова. Мы должны были согласиться на это.

В день доклада барак, отведенный для театральных представлений, был переполнен русскими военнопленными. Явился представитель лагерной цензуры — пресловутый Либе. Выступить разрешалось только докладчику. Ни прений, ни вопросов по докладу не было разрешено. Сейчас же после прочтения доклада собрание было закрыто. Но это нас не очень беспокоило: прения были перенесены на вечерние часы в бараки...

После первой удачи решили пойти дальше. Снова возобновили просьбу разрешить русским издавать в лагере газету. Наша просьба была оставлена без внимания.

Между тем, первые увлечения революцией стали проходить. Умы начали самоопределяться. Получаемые сведения из России говорили, что там обостряется классовая и партийная борьба. В стороне не могли, конечно, остаться и мы. Постепенно воскресала старая вражда, сглаженная революцией в России. И, по мере того, как росла и развивалась борьба, происходили перегруппировки и у нас, в лагере.

Торжественная часть революции кончилась. Начались ее будни.

В РЕВОЛЮЦИОННЫЕ БУДНИ.

Проходили дни за днями. Наши надежды не оправдались. Временное правительство революционной России не только не думало о мире, но продолжало исповедывать империалистические идеи царского правительства. По существу ничего не изменилось.

Наши союзники торжествовали. Они восхищались бескровной революцией и ждали от нее действий, т.-е. организации нового нажима на германском фронте. Когда мы пытались доказывать, что трудовые массы не для того свергли Николая, чтобы продолжать ненавистную им империалистическую бойню, они возмущались до глубины души, называли нас агентами немцев, бошами и т. п.

Распри начались и среди русских военнопленных. Притихнувшие было на-время черносотенцы снова принялись за работу. На этот раз уже не как сторонники монархии, а как приверженцы Керенского, преклоняющиеся перед порядком. Они с пеной у рта защищали временное правительство, требовали войны до победного конца, а главное — ликвидации всяких анархических выступлений (под анархистами имелись в виду и большевики). Русская часть лагеря разделилась на две группы: одна, во главе с бывшими черносотенцами, после Февральской революции перекрасившимися в «революционеров» порядка, поддерживала временное правительство; вторая, по сравнению с первой менее многочисленная, группировалась вокруг нас, большевиков. Силы были неравные. С наступлением весны в лагере остались

почти одни фельдфебеля, унтера и больные; наших почти всех послали на работы.

Черносотенцы, — теперь социалисты-революционеры, кадеты и неопределенной масти меньшевики, пускали в ход орудие клеветы и самой гнусной провокации. Они великолепно использовали переезд группы революционеров, во главе с Лениным, через Германию, именуя этот акт продажей России и всей бескровной революции немецкому Вильгельму. «Ленинцы» стало ругательным словом в лагере. Приезжающим в лагерь больным внушалось, что, если бы не большевики, так дела в России были бы блестящи. И так как положение русских пленных было самое безотрадное, то достаточно было связать большевиков-ленинцев с Вильгельмом, чтобы на-время отравить их самосознание.

Между тем, с от'ездом Ленина и Зиновьева из Швейцарии мы уже оттуда не получали абсолютно никакой литературы. Перестали высылать литературу и эсеры. Виктор Чернов распростился с пленными в последнем номере «На Чужбине» и сообщил, что отправляется в Россию, где его ожидают «великие дела». Таким образом, мы уже не получали из-за границы абсолютно никакой литературы. Приходилось довольствоваться исключительно сведениями из немецких источников, и эти сведения, конечно, далеки были от об'ективности. К нашему счастью, мы в лагере имели право выписывать немецкие газеты, за исключением «Vorwärts», которого нам не разрешалось получать, и мы его доставали нелегально через соц.-дем. немецкого солдата. С немецкими рабочими в лагере мы никакой связи не имели и не могли иметь. Об их настроениях нам повествовали приезжающие с работ товарищи, но никто из них не видал более левого издания, чем «Vorwärts». Пытались-было раздобыть газету независимых социал-демократов «Leipziger-Volkszeitung», но никто из немецких часовых и работающих в лагере цивильных не соглашался нам ее доставлять, ссылаясь на то, что в Гамельне эта газета вообще не выписывается. Из России же мы не получали ни единого лоскутка печатной бумаги, не говоря уже о брошюрах и газетах.

Волею судеб мы очутились одни, как бы на пустынном острове, так как связь с другими лагерями была немыслима.

Нам приходилось питаться исключительно немецкой прессой юнкерского и соглашательского направления.

Работать приходилось ощупью. Несмотря на нашу малочисленность, публичная пропаганда оставалась за нами. С разрешения комендатуры мы устроили в лагере еще ряд докладов на политические темы, но наши публичные выступления большого успеха не имели. Наши доклады обыкновенно провоцировались как выступления немецких агентов. Французы под различными предлогами не уступали помещения, во время речей устраивали за сценой кошачий концерт, свистали, стучали и не раз грозили нас поколотить, если мы не бросим заниматься «немецкой» агитацией.

После неоднократных стычек мы решили публичных докладов не устраивать, а вести пропаганду в виде бесед по баракам. И беседы имели больший успех, чем наши публичные доклады.

Об июльских событиях узнали только из немецких газет. Поражение большевиков вызвало восторг в черносотенных кругах. Водворению «порядка» в Петрограде радовались и союзники. Но частичные неудачи нас не обескураживали. Мы верили в мощь рабочего класса, в силу нашей большевистской партии и знали, — это еще не девятый вал, подлинная революция еще впереди.

Между тем, революционные будни отрезвляли головы многим, кто во времена царизма был в нашем лагере ярым борцом против самодержавия и капитала, а с Февральской революции примкнул к черносотенным либералам лагеря, т.-е. к эсерам, кадетам, меньшевикам. Они в революции видели один героический подвиг, благородный жест и возмущались большевистской прозой. Но когда благородные жесты оставались только жестами, и герои типа Керенского дальше красивых слов не шли, временно уклонившиеся от пролетарской линии отмежевались от своих прежних попутчиков и стали примыкать к нам.

Постепенно большевистские группы стали организовываться и в рабочих командах. Часто эти группы поступали не совсем правильно, но всегда инстинктивно чувствовали правоту своего дела и вырывали массы из-под влияния черносотенного блока.

В ПРИЕМНЫХ ПОКОЯХ ЛАГЕРЯ.

После Февральской революции отношение лагерной администрации к русским военнопленным значительно улучшилось. Изменения во взаимоотношениях между пленными и немцами мало коснулись рабочих команд, где попрежнему капитал продолжал высасывать последние соки из пленных. Зато сравнительно очень хорошо жилось на сельскохозяйственных работах.

К концу 1916 года значительное количество проживающих в лагере пленных были уже инвалиды или больные. За все время плена из нашего лагеря никто из инвалидов не был обменен, и первая партия больных и инвалидов была послана в Россию только при Советской власти.

Надо представить эту тысячную толпу больных, голодных, обиженных людей, чтобы понять, что представлял собой лагерь летом. Повсюду слышались стоны, жалобы. Проклинали всех и каждого, кто только пытался с ними заговорить. В большинстве случаев все они исколесили Германию, побывали в различных лагерях, побывали во многих рабочих командах. Не оставляли их в покое и в лагере. При том недостатке рабочих рук, какой ощущался в Германии, начиная с 1915 года и своего кульминационного пункта достиг в 1917—1918 годах, немецкое командование приложило все старания, чтобы использовать до последней капельки все силы военнопленных. С величайшей умелостью использовывались и силы больных, особенно инвалидов. Так, например, хромые сидели на скамеечке и вязали метелочки, плели корзины, чистили на кухне картофель и т. п. Безрукие, слабосильные пасли гусей, скот и т. д. В летние месяцы инвалидов и больных еженедельно переосвидетельствовали, делили на категории по работоспособности и более или менее могущих исполнять хоть кое-какую работу сейчас же отправляли в рабочие команды.

Находящиеся на излечении в лагере больные ежедневно должны были являться в околоток к доктору, который пропускал их в час сотнями: совершенно слабых отправлял в лазарет, державшимся на ногах давал на два-три дня осво-

бождение от работы, остальным писал — «здоров», и на второй день их отправляли на работы.

В приемные покои ежедневно направлялась такая масса народу, что барак, в котором помещался околоток с утра до обеда осаждался серой тучей пленных.

Нельзя сказать, чтобы в околоток ходили только больные. На предмет освобождения от работы сюда являлись нередко и здоровые. Многие путем симуляции всячески старались попасть, по крайней мере, в разряд больных, которые не посылались на тяжелые работы, и при таком поверхностном осмотре, какой практиковался в околотке, нередко это и удавалось.

В лагере среди безнадежно больных можно было найти сколько-угодно людей, которые вечно болели по своей собственной воле и желанию. Различного рода способами и средствами делали себе на ногах раны, поддерживали эти раны и не давали им заживать. Бывали случаи, когда симулировали венерические болезни: периодически выжигали слизистую оболочку рта папироской, чтобы получить таким образом раны, напоминающие венерические. И эта болезненная процедура проделывалась исключительно для того, чтобы не попасть на тяжелые работы и продержаться в лагере хоть некоторое время.

Более или менее выживали больные с физическими недостатками. Пленные же с внутренними болезнями при плохом питании гибли, как мухи.

ОТГОЛОСКИ КОРНИЛОВЩИНЫ.

По мере того, как события в России развивались, шли партийные перегруппировки среди русских военнопленных в лагере. Если еще задолго до Февральской революции в лагере намечались партийные группировки и существовала, например, наша группа большевиков, то к лету 1917 года образовались определенные партии. Не существовало только оформленных партийных организаций, так как в условиях плена, особенно в нашем лагере, иметь таковые было просто немыслимо.

Наибольшего напряжения партийная борьба достигла в дни корниловской авантюры. Плеяда хранителей порядка —

лагерная знать всей душой стояла за Корнилова, но они в лагере все же большого значения не имели. Самой сильной партией считались эсеры, приверженцы Керенского. Нас, большевиков, была небольшая группа, хотя мы по целому ряду вопросов имели за собой в лагере большинство.

ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ [1].

Была уже поздняя осень.

В маленьком городке Гамельне на Везере царила тишина. Еще тише и спокойнее было в лагере. Особое уединение, расположение к тишине давали холмы, окружавшие город и покрытые буковыми рощами; когда сумерки спускались на землю, холмы напоминали высокие горы.

Среди холмов лентой извивается Везер. Когда показывается изредка осеннее солнце, река превращается в длинный пучок серебряных ниток.

Глубокая осень. Редко когда видно солнце, но на минуту, когда оно выглядывает, буковые рощи горят пурпурно-красными огнями.

Медленно тянется привычное время. Живем в повышенном настроении. О событиях в России все время получаются в городе телеграммы, шумят газеты; все новости, подчас в исковерканном виде, проникают моментально в лагерь, и здесь до получения немецких газет начинают расти и распространяться самые чудовищные слухи. Слухи радуют одних, печалят других.

В России творится что-то великое. Все известия говорят одно: власть Керенского накануне падения; на смену ей идут Советы.

Нас, большевиков, величают «предателями» и другими хорошими словами тогдашнего времени.

Но опять-таки одни говорят про нас со злостью, грозят виселицей, другие с какой-то заветной мечтой, иногда и побаиваясь открыто стать на нашу сторону. Совершенно отсутствуют равнодушные; их нет.

Интерес к немецким газетам растет, всякие слухи ловятся на-лету. Новостями из России интересуются не только одни

---

[1]) Эта глава впервые напечатана в журнале Истпарта «Пролетарская Революция», в октябрьской книге за 1922 г.

русские, но и французы, англичане, бельгийцы, которых в лагере сравнительно много.

В общем, газетам не верят. Керенского считают сильным, французы величают его русским Наполеоном, Гарибальди; это льстит русским патриотам. По адресу большевиков сыплются проклятия, ругань.

Немецкие газеты дают самые противоречивые сведения. Но видно и чувствуется одно: звезда Керенского близка к закату; это чувствуют даже его ослепленные друзья.

Усиливаются партийные группировки. Лагерь делится на две части: с одной стороны — приверженцы большевиков, которыми руководит наша группа из библиотеки, и с другой — все остальные, которых об'единяют злоба и ненависть к большевикам и к нарождающейся Советской власти. Во главе неистовствующих монархистов стоят подпрапорщики и фельдфебеля, вокруг них виляют студенты-вольноопределяющиеся, учителя, которые величают себя республиканцами — сторонниками демократии, возглавляемой Керенским. «Штабом» наших противников является отделение Красного Креста.

Пасмурное утро. Собрались в библиотеке и обмениваемся новостями. Вбегает к нам француз и возбужденным голосом заявляет, что Петроград в руках матросов, правительство Керенского арестовано, власть перешла в руки большевиков, движением руководит Ленин.

Для нас это разрешение вопроса. Мы ждали этого. Но на такой быстрый успех мы не рассчитывали. Поздравляем друг-друга. Кто-то высказывает сомнение, и несколько человек бегут в Красный Крест. Французы взволнованы и с ненавистью поглядывают на нас.

Скоро вернулись из Красного Креста, сообщили о панике, царящей там. Вести о перевороте у наших политических врагов создали самое отчаянное настроение.

В библиотеку зашел немецкий солдат, заведывающий всеми библиотеками лагеря, и подтвердил известие о перевороте в Петрограде. Он, конечно, как заядлый поклонник Вильгельма, понимал по-своему и сиял от радости. Это послужило поводом для присутствующих французов «доказать», что переворот—дело рук немцев. Посыпались ругательства, проклятия.

Известия о перевороте моментально распространились по всему лагерю. Наша группа рассыпалась по баракам,

чтобы не дать возможности нашим врагам слишком распинаться по адресу большевиков и Советов.

День провели в спорах. Подавляющее большинство, особенно французы и наши интеллигенты, доказывали, что эта власть на час, и за ней последует Николай.

Вечер. В бараках долго не могут замолкнуть дебаты, и только поздней ночью водворяется тишина, когда дежурные часовые уже сделали несколько предупреждений.

Потянулись снова дни. Получались телеграммы самого противоречивого характера. В чем только не обвиняли большевиков! Немецкие газеты были переполнены сообщениями самого невероятнейшего содержания и направления. Все это волновало, возбуждало лагерь. Чтение газет при помощи переводчиков стало любимым занятием даже тех, кто отроду не слушал и не верил «рябой» бумаге. Во время чтения в бараках водворялась тишина; не дозволялось дале кашлять...

Стали проходить недели. Немецкие газеты все продолжали писать: «Из России нет определенных сообщений». Поползли слухи... Вражда в лагере усиливалась. Французы, англичане и бельгийцы прекратили с русскими всякие сношения: не продавали хлеба, остатки своей пищи выливали в помойную яму, чтобы ими не могли пользоваться проклятые большевики-русские. Иногда дело доходило до рукопашного боя...

Но это придало мужество самым отсталым. Они чувствовали, что в России действительно свершилось что-то великое, что не нравится сытым французам и англичанам. В глубине забитых душ появилась вера в новую жизнь, в новую Россию.

Между тем, из России стали поступать сведения, что власть Советов крепнет. Наша группа с каждым днем приобретала все больше и больше сторонников.

Так росла большевистская Россия и в тисках ужасного германского плена.

НА РУССКОМ ФРОНТЕ ПЕРЕМИРИЕ!

Октябрьский переворот окрылил надеждами на скорый мир как русских пленных, так и немцев. Караульные в лагере говорили только о мире. Французы доходили до бешенства. Русские черносотенцы метали громы и молнии.

Борьба между приверженцами большевиков и черносотенным блоком продолжала обостряться; ежедневно в бараках происходили споры и чуть не драки между обеими сторонами.

В один из таких дней, когда партийная борьба в лагере достигла, казалось, наибольшей остроты, и мы продолжали пребывать в неведении относительно Советской России, по лагерю стали распространяться слухи, что на русском фронте заключено перемирие.

Это было 19-го ноября.

И действительно, рабочие-пленные, работавшие в городе в этот день, вернулись вечером необычайно возбужденными. Они подтвердили известие про заключение перемирия. Еще больше: они рассказывали о том, какое настроение царит в городе. По получении телеграммы о заключении перемирия во всем городе были сейчас же вывешены флаги, на улицах толпилось много народу. Русские пленные, проходившие в этот вечер по улицам города, были предметом всеобщего внимания горожан. Бывали случаи, когда пленных окружали на улице, поздравляли с миром и целовали...

Это нас не удивило. Немцы жаждали мира, и их радости, понятно, не было конца, когда вечерние телеграммы принесли известие о заключении давно ожидаемого перемирия.

Снова в бараках мы пережили бурную ночь. Спорили, кричали до хрипоты. На этот раз к баракам не решались подходить с предупреждением о «позднем часе» и караульные: видно, и они были об'яты чувством скорого мира.

На следующее утро французы и англичане встретили нас об'единенным фронтом, как предателей, подлецов, немецких агентов. Они переживали минуты бешеной злобы и готовы были броситься на нас, как дикие звери.

Немецкие солдаты сияли от радости. Перемирие сулило скорый мир на русском фронте, а затем и на западном...

В каком виде нам представлялся будущий мир? Прежде всего мы были убеждены, что октябрьский переворот принесет мир всему человечеству, кроме того, пролетарская революция в России, по нашему мнению, должна была быть прелюдией всемирной революции. В то же время за последние недели стало ясно, что до всеобщего мира еще далеко, мы были сторонниками мира с Германией во что бы то ни стало.

Искреннее желание немцев заключить мир служило поводом думать, что сепаратный мир будет вполне справедливым для обеих сторон. Нас в этом ежедневно уверяли немцы, то же подтверждали прибывающие с работ в лагерь пленные. Встречающиеся на работах с рабочими русские пленные передавали, что весь пролетариат Германии требует мира без аннексий и контрибуций.

Немецкие газеты как-то обходили этот вопрос, но все же, поскольку все немцы, с которыми нам приходилось встречаться и вести на эту тему разговоры, были на стороне мира «без аннексий и контрибуций», то мы имели много оснований думать, что мир будет заключен вполне демократический, который послужит исходным пунктом для всеобщего мира. Такова была воля народных масс Германии, уставших от ужасной империалистической бойни.

Подавляющее большинство русских военнопленных было на нашей стороне. Особенно это надо сказать про тех, которые приезжали с работ.

Все пленные ждали мира, как чего-то бесконечно близкого и дорогого.

ПОД ШПАГОЙ ГЕНЕРАЛА ГОФМАНА.

Еще задолго до открытия мирных переговоров в Брест-Литовске в лагерь стали проникать слухи о намерениях германского командования заключить с Советской Россией мир, основанный на насилии. Немецкие солдаты отрицали правдивость подобных слухов и нас уверяли, что подобного шага не допустят воины германской армии, которые ни за что не согласятся быть орудием германских империалистов. Встречавшие германских солдат, приезжавших с русского фронта, действительно, это подтверждали. О рабочих, конечно, и говорить не надо было.

Однако, в ближайшие же дни по открытии мирных переговоров в Бресте мы постепенно стали убеждаться, что слухи о насильственном мире не лишены основания. В немецких газетах, например, в «Berliner Tageblatt» и др., попадались двусмысленные статьи, из которых вырисовывались различного рода возможности (о переговорах в Бресте никаких подробностей, кроме официальных, ничего не говорящих со-

общений в газетах не пропускалось). Значит, будущее было чревато различными осложнениями.

Во время переговоров, вопреки всем ожиданиям, мы ничего не знали о ходе их. Газеты должны были молчать, и казалось, что им нет никакого дела до того, что делается в Брест-Литовске.

Начало мирных переговоров ознаменовалось чрезвычайно важными событиями внутренней жизни Германии. По всей стране прокатилась волна забастовочного движения. Забастовки начались в Берлине и перебросились и в Австрию. В целом ряде городов движение достигло довольно грандиозных размеров, и, судя по газетам, а главное по слухам, проникающим в лагерь, казалось, что Германия и Австрия если и не накануне революции, то во всяком случае переживают революционное брожение, способствующее скорейшему заключению мира с Советской Россией.

В городе говорили о массовых демонстрациях в Берлине, Ганновере, Гамбурге. В лагере распространялись смутные слухи о революционном брожении во Франции и в Италии. Атмосфера казалась нам насыщенной, и бывали отдельные дни, когда по вечерам мы ложились в свои гроба с надеждой, что утром над городом увидим развевающиеся красные знамена.

Но точно так же, как рождались наши мечты, они и рушились. Забастовочная волна в Германии пошла на убыль и стихла. Слухи о вспыхнувшей-было в других странах революции исчезли сами собой. Восторжествовали апатия и равнодушие.

В один из таких дней в городе была получена телеграмма о перерыве мирных переговоров в Брест-Литовске. Нас это ошеломило.

Что же дальше? Неужели опять война? Немцы нас уверяли, что германские солдаты ни под каким видом не согласятся начать наступление. После многочисленных бесед с немецкими солдатами такое положение казалось возможным. То же самое подтверждали прибывающие с работ пленные. Рабочие требовали заключения мира и о дальнейшем продолжении войны не хотели слышать.

Как громом, поразил нас приказ германского командования о наступлении на русском фронте. И когда посыпались

телеграммы, в которых сообщалось, что немецкие войска перешли демаркационную линию и стали быстро продвигаться вперед, мы чувствовали себя выпоротыми... Значит, все то, о чем говорили нам немецкие солдаты, было самообманом, ложью, — они не знали своих сил, переоценили свою мощь.

Французы хохотали, черносотенцы еще больше обрушились на нас, и за нами в лагере окончательно закрепилось имя — предатели, агенты и т. п.

В немецких газетах, как по мановению волшебного жезла, началась травля большевиков. В срыве мирных переговоров обвинялись большевики и советское правительство. Про Россию снова стали пускаться утки. Слуги германского империализма ловко подготовляли общественное мнение к ультиматуму.

Нам не приходилось быть свидетелями, насколько общественное мнение удалось обработать, но когда стал известен ультиматум, мнение окружавших нас немецких солдат не было на стороне воинствующего империализма. Немецкие воины ходили по лагерю мрачными. Еще в более подавленном настроении были рабочие. Они и слышать не хотели о насильственном мире с Россией.

Когда по случаю подписанного в Брест-Литовске насильственного мира, в городе выкинули флаги, в широких народных массах не чувствовалось праздничных настроений.

Долгожданный мир пахнул дегтем сапог генерала Гофмана, и теперь уже и самые наивные немецкие солдаты увидели, что юнкерство затаптывает свободную Россию в грязь. Подобное поведение юнкеров вызывало злобу в немецком народе. Широкие народные массы были убеждены, что такая политика германского империализма на востоке зиждется на песке. Если еще до Брест-Литовского мира некоторые из немцев в лагере обижались, когда мы политику германского правительства называли империалистической, то теперь, понурив головы, они молчали. Брест-Литовский мир открыл глаза наивным немецким солдатам, борющимся за свое «отечество и культуру». В Брестском мире они увидели настоящие цели войны и ужаснулись... Сапог генерала Гофмана в Брест-Литовске растоптал веру немцев в справедли-

вость войны, как 9-е января 1905 года Николай II расстрелял веру в царизм.

Для Германии надвигались тяжелые дни. Массы потеряли старые заветы и веру в правоту своего дела. С Брест-Литовским миром начался крах германского империализма, который свой эпилог нашел в Версале и кончился полным порабощением немецкого народа.

ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ.

После Брест-Литовского мира мы вступили в наитягчайшую полосу нашего плена. Каждый день приносил с собой одно известие мрачнее другого. Бесконечно трудно было признавать, что ты фактически являешься зрителем и ничего не можешь сделать для поддержки революции.

Подавление революционного движения в Финляндии, расправа с «большевистскими бандами» в Прибалтике, оккупация Крыма, южного побережья Черного и Азовского морей немецкими войсками, — все это чередовалось, как в калейдоскопе, дополнялось «собственными корреспондентами» немецких газет о восстаниях в различных частях России, о низложении Советской власти и т. п.

С Россией попрежнему мы не имели никаких почтовых связей. С первых дней Октябрьской революции в лагере из России не получалось ни одного письма, ни одной посылки. Приходилось довольствоваться исключительно немецкой информацией, которая не стеснялась распространять про Советскую Россию самые нелепые и чудовищные слухи.

Всякие сношения с русскими военнопленными прекратили и все остальные государства. Сейчас же после Брест-Литовского мира все те русские военнопленные, которые получали по заказу родных посылки через Красные Кресты или бюро помощи военнопленным из Англии, Голландии, Швейцарии и Дании, получили уведомление о прекращении заказанных посылок. Отказ мотивировался совершившимся в России переворотом, якобы враждебно настроенным к этим организациям.

Отрезанные от всего мира, мы с нетерпением ждали прибытия в Берлин советского посла. Но и здесь нас ждало разочарование. Прибывшее в Берлин советское представительство ничем не помогло и не могло ничем нам помочь.

Во время оккупации Украины немецкими войсками по лагерю поползли слухи о предстоящей мобилизации русских военнопленных-украинцев для защиты «народной» Украины от русских большевиков. И действительно, через некоторое время из лагеря куда-то угнали всех украинцев. После мы узнали, что в украинских лагерях, действительно, формировались маршевые роты и посылались на фронт, но, к величайшему удивлению немецких империалистов, они разбегались, как только увидали свои родные хаты...

Из Швейцарии начали посылать по адресу русской колонии военнопленных информационные бюллетени самого контрреволюционного направления. Это была первая русская белогвардейская литература за границей, имеющая своей целью подготовку общественного мнения Западной Европы против Советской России. Лагерная цензура без всяких промедлений постаралась распространить в лагере ростки будущей белогвардейщины...

Лагерная комендатура, в лице русского цензурного отделения, снова занялась делами русских военнопленных. В конце апреля в библиотеку явился известный Либе и приступил к из'ятию из библиотеки всей литературы большевистского направления. Как это ни странно, «просвещенный» цензор имел весьма слабое представление о большевистской литературе, и нам не представило большой трудности его надуть: вместо с.-д. (большевиков) литературы (библиотека рассматривалась по каталогу) в его распоряжение передали пришедшие в негодность от чтения брошюры, журнальчик «На Чужбине» и эсеровскую литературу вообще. Усердному цензору мы сами помогали завязывать эсеровскую литературу, отнести в его кабинет, где запечатали сургучом. С тех пор большевистская литература в лагерной библиотеке не числилась. Само собой разумеется, что при выдаче книг читателям мы продолжали распространять большевистские брошюры попрежнему.

Но на этом дело не кончилось. В лагере началась травля большевиков и со стороны немецкого лагерного начальства. Всех большевистских лидеров послали на самые тяжелые работы; наша организация фактически была разгромлена; в лагере остались отдельные лица — большевики, проживающие на правах больных.

Со мной стряслась неприятная история, которая для меня имела не совсем хорошие последствия.

В одном из брауншвейгских госпиталей, как переводчик-санитар, работал мой друг и товарищ по партии тов. Гофман. Как-то через одного хорошего немецкого солдата он ухитрился переслать мне письмо, в котором просил меня сообщить о положении дел в России, предупредив, что письма ему можно адресовать на имя немецкого санитара и бросить просто в ящик.

Под впечатлением немецкой карательной политики в Прибалтике, где было разгромлено много знакомых нам большевистских организаций, а в Вольмаре повешено на площади два знакомых нам с Гофманом брата-большевика, я написал острое письмо, освещающее контр-революционную роль германского империализма в Советской России, в частности в Латвии. Письмо одним из пленных, работающих в городе, было брошено в почтовый ящик.

Понятно, с моей стороны это была непростительная оплошность. Письмо было перехвачено на почте, послано в Берлин для перевода с латышского на немецкий и переслано обратно в Гамельнскую лагерную комендатуру, где по почерку узнали, что письмо мое (мой почерк, как работника в библиотеке, был известен в комендатуре). Меня, грешного, вызвали к коменданту лагеря, который набросился на меня, как бешеная собака, долго грозил кулаками, топал ногами, орал, прежде чем я понял, в чем дело.

К счастью для меня, я уже третий месяц регулярно посещал околоток, как больной туберкулезом, и приказ о моей отправке в шахты остался невыполненным. Но пять суток строгого ареста мне все же пришлось за свою оплошность отсидеть.

После случая с письмом я немедленно был отстранен от работы в библиотеке, но, как больной туберкулезом, до поры до времени оставался в лагере.

ВЕСНОЙ 1918 Г.

Весной 1918 года Германия напоминала кладбище. Приезжающие с работ пленные рассказывали самые чудовищные вещи про голод в городах и отчаянное настроение, которое

царило повсюду. И то же самое мы чувствовали и в лагере, где голодали в полном смысле этого слова не только мы, русские военнопленные, но и немецкие солдаты, несшие в лагере караульную службу. Французы в своем жестоком смехе были правы, когда хвастались, что они за бисквит или кусочек мыла могут купить не только любую немецкую женщину, но и всякого немецкого патриота.

Немцам не чужды были уже и пораженческие настроения. Никто уже не верил в победу германского оружия, — по крайней мере, таких в лагере не было. Не верили и в благополучный исход войны. Все ждали чего-то страшного. Это уже было не что иное, как отчаяние.

На работах попрежнему жилось очень плохо. От голода русские военнопленные приходили в отчаяние и не верили ни во что.

Однако, при всем этом уже не было той враждебной заостренности во взаимоотношениях, какая наблюдалась в 1915 году. На работах пленные уживались с немецкими рабочими как нельзя лучше. Другими стали и караульные. Это пришлось испытать мне самому в дни ареста. Происшедшие перемены подтверждали все товарищи, прибывающие с работ в лагерь по болезни.

В широких народных массах Германии росло недовольство кайзеровской политикой. В патриотической скале немецкого бюргерства и крестьянства стали появляться трещины, которые изо дня в день ширились и углублялись.

Русские пленные в массе своей ждали исключительно одного — возвращения в Россию. Измученные, изнуренные, — а таких было огромное большинство, — они почти перестали интересоваться политикой. Несколько сгладились враждебные настроения и в лагере. С наступлением весны лагерь снова опустел; на этот раз в лагере из русских остались исключительно больные. Перестала функционировать для русских военнопленных и лагерная почта, так как с ноября 1917 г. никаких писем и посылок из России не поступало. Прекратил свою деятельность и русский Красный Крест; его «склады» пустовали с Февральской революции, и ему нечего было распределять.

Все здоровые русские пленные были разосланы на работы. В лагере стало тихо. Шумно было только в околотке, где

толпились больные, и то по утрам. Днем же больные бродили, как тени, по лагерю, глядели безумными глазами на зеленеющие буковые леса и извивающийся серебряной струей Везер...

Более сильные из больных могли провожать умерших в больнице товарищей на кладбище, но так как ходить на кладбище было утомительно, то большинство предпочитало лежать и греться на солнышке.

ВОЗВРАЩЕНИЕ.

По лагерю ползли слухи. Где-то там, в комендатуре, предполагалось отправить в Россию больных и инвалидов. Это произвело в лагере настоящий переполох.

Слухи оправдались. В один из весенних дней в приемные покои собрали всех больных русских военнопленных. Явился старший врач и стал производить осмотр. Инвалиды и наиболее серьезные больные, главным образом, туберкулезные, были выделены и занесены в особый список. Через несколько дней в больнице была назначена особая комиссия, которая проверила еще раз намеченных к обмену больных. Я, как больной туберкулезом, прошел и через старшего врача, и через комиссию, но, к величайшему удивлению всех, в том числе и медицинского персонала, был вычеркнут из списка отправляемых. При пересмотре и утверждении списка отправляемых, видно, комендант руководствовался и некоторыми «политическими соображениями».

Мне не оставалось ничего другого, как протестовать. На другой день я написал полное протеста заявление полномочному представителю Советской России в Берлине товарищу Иоффе; это заявление передал генералу лагеря с просьбой передать по принадлежности. Заявление, понятно, не попало в руки тов. Иоффе. По личному распоряжению генерала, я был переосвидетельствован особой врачебной комиссией и включен безоговорочно в список отправляемых.

К отправке нас было намечено несколько сот человек. Наш от'езд в Россию был настоящим событием в лагере.

Перед отправлением на вокзал в лагере нас выстроили, обыскали, отобрали все писанное, фотографии и т. п.

Было раннее весеннее утро, когда мы, обвешенные со всех сторон котомками и узелками, медленно продвигались по сонным улицам города на вокзал. Позади нас оставалось $3^1/_2$ года ужасного плена, — впереди нас ожидала новая свободная большевистская Россия. Каждый из нас жил мыслью о будущем, и никто не думал о прошлом, о своей болезни.

Когда тронулся поезд и через открытые окна хлынули струи свежего майского утра, из груди вырвался вздох облегчения; теперь мы верили, что, действительно, едем в Россию.

Мимо нас летели деревни с красными крышами, зеленеющие леса, холмы, и казалось, что вот-вот мы уже будем в России, между тем, под'езжали только к Ганноверу.

В Ганновере к нам присоединили еще несколько сот больных и инвалидов и целым эшелоном отправили через Берлин и Кенигсберг в Двинск.

На всех станциях, где только останавливался наш эшелон, группами попадались русские военнопленные, работающие на станциях и поблизости. Они со слезами провожали нас, — ведь, нас везли в Россию...

Кое-где недалеко от линии железной дороги были видны окруженные проволочной стеной бараки, — это были нам всем хорошо знакомые лагери военнопленных.

Когда мы проезжали оккупированные места, казалось, что поезд мчится по какой-то мертвой долине. Разрушенные станции, сожженные деревни с торчащими трубами, — все это на каждом шагу напоминало недавнее прошлое. На станциях, где останавливался наш эшелон, видны были исключительно одни немецкие солдаты.

Пошли знакомые места. Равнину сменили холмы, покрытые небольшими березовыми рощами. Мы уже были в Литве. Рано утром приехали в Двинск. На вокзале, кроме немецкой стражи, никого не было. Кругом безмолвие. Как гиганты, высоко в высь стремились трубы, и, вместо клубов дыма, вокруг них вились стаи галок. Было мрачно, и душу давила безмолвная тишина.

В Двинске нам пришлось пробыть двое суток. Ждали партию немецких военнопленных, которые должны были прибыть из России в обмен на нас.

Нас заперли в какие-то старые казармы и не выпускали ни на шаг. Из жителей города нам не удалось увидеть

никого, кроме кучки ребятишек, которые как-то пробрались под наши окна и заунывно просили от нас хлеба.

Тяжелы были эти дни. В этой кошмарной обстановке так и не верилось, что мы, действительно, попадем в Россию. На вторые сутки откуда-то поползли слухи, что обмен военнопленных прекращен, и нас завтра отправляют обратно. Несмотря на абсурдность подобных слухов, многие им верили. Поднялся плач, истерики...

Вечером прибыл эшелон с немецкими военнопленными. Прибывшие все были здоровые и выглядели хорошо.

Как полагалось, по распоряжению немецкого командования, прибывших немецких военнопленных сейчас же загнали в барак рядом с нашей казармой, окруженный проволочным заграждением, и мы с ними разговаривали издали, и то только тогда, когда этого не видел караульный солдат.

Среди прибывших немецких военнопленных была самая разношерстная публика: часть пленных проклинала большевиков и Советскую власть вообще, часть же из них о новых порядках и правителях отзывалась хорошо.

Поздно вечером нас погнали к вагонам. Здесь мы впервые встретились с представителями Советской власти, — это был комендант эшелона, который принял нас по счету, расписался и извинился перед нами, что больным он может предоставить только теплушки.

Но разве для нас это имело какое-либо значение! Хотелось сесть в вагоны и быть уверенными, что вот теперь-то, наконец, едем в Россию.

Эшелон почему-то долго не отходил. Мы все повылезли из теплушек и стали собираться в кучу. Немецкие часовые, приставленные к каждому вагону и сопровождающие нас до демаркационной линии, на этот раз уже нисколько не мешали и были чем-то в роде почетного караула.

Вокруг одного из вагонов шел горячий спор. С вагона выступала сестра милосердия эшелона и доказывала нам, пленным, какие изверги большевики, и какое ничтожество Советская власть, заключившая в Брест-Литовске такой позорный мир. Против нее выступил один из пленных. Бедненькая сестрица думала нас встретить политически малограмотными, не подозревая, что мы в плену в смысле дис-

куссий на политические темы прошли бо̀льшую школу, чем она в России, считавшая своим долгом нас «информировать».

Поздно ночью, когда уже мы были каждый в своем вагоне, поезд тронулся.

Было прохладно. Сквозь щели вагонов-теплушек видны были звезды.

ВСТРЕЧА.

Минула ночь. Настало утро. Мы все продолжали ехать по оккупированным немцами местностям. Как в прифронтовой полосе, наш эшелон повсюду встречали по-военному, т.-е. на станциях были видны одни только военные — немецкие солдаты. Безмолвные и сонные, они провожали нас радостно сияющих. Так прошел день.

Солнце склонилось к закату, когда мы под'ехали к демаркационной линии. Позади остался Псков. Недалеко уже было до революционного Питера, пред которым мы преклонялись во сне и наяву в плену.

Замедленным ходом вез нас машинист по демаркационной полосе. Душу охватывало радостное чувство. Вот-вот эшелон остановится, и мы будем уже в подлинной Советской России.

Дорога вела по ровной местности. Кругом простирались поля, поросшие местами мелким кустарником.

Паровоз дал свисток, и поезд с грохотом остановился.

Мы были на маленькой станции, состоящей всего-навсего из нескольких домов.

Из главного станционного здания высыпали нам навстречу вооруженные красноармейцы. Осмотрев вагоны и убедившись, что, кроме нас, пленных, других лиц никого нет, пригласили нас по нескольку человек из каждого вагона пойти за обедом и газетами.

Принесли обед и целую охапку газет для каждого вагона. С жаром принялись за чтение. Это были первые большевистские газеты в Советской России.

Солнце село. Стало темнеть. Эшелон тронулся теперь к Петрограду.

Ночь была прохладная. Только-что распускались листья. Во время остановок на маленьких станциях слышно было пение соловья.

Снова настало утро. День мы всецело были под впечатлением большевистской России весны 1918 года. На станциях нас окружали красноармейцы, обыватели, расспрашивали, откуда едем, как обстоят дела с германской революцией и т. д. Жаловались на нужду, но когда мы стали повествовать про германскую брюкву и гнилую рыбу, хлеб с опилками, — вытаращивали глаза и молча отходили. Бывали случаи, когда к нам подбирались лица с целями контрреволюционной агитации, но, получив от нас должный отпор, уходили, как ошпаренные. В эти дни каждый из военнопленных нашего эшелона был большевистским агитатором...

На второй день, рано утром, приехали в Петроград. Наш эшелон загнали в тупик и заявили, что приемный пункт Красного Креста нас сможет принять только к 11—12-ти часам.

Не знаю, когда еще так медленно тянулось время. С величайшим нетерпением ждали, когда нас придвинут к приемному пункту.

Наконец, к эшелону прицепили паровоз, и мы двинулись к приемному пункту. Эшелон еле-еле двигался, когда стали под'езжать к перрону. На перроне военный оркестр играл «Интернационал»...

Такой встречи мы и не ждали. И когда нас после бани повели в столовую, где на столе для каждого был поставлен маленький кусочек черного хлеба с кружкой чаю, мы все, как один, плакали от радости, как дети.

Встречали, ведь, нас чем могли.

Много времени минуло уже с тех пор, но в ушах все еще звучат приветственные слова представителя Петроградского Совета, тов. Носова: «Не пеняйте на нашу бедность, но гордитесь своей страной — бедной и нищей, но отныне свободной страной Советов. Умрем за Советы! Да здравствует власть Советов!»

СОДЕРЖАНИЕ.

Часть первая.

Стр.

В маршевой роте 5
В полку 7
Ночь скитаний 10
Неудавшаяся атака 14
Наше пленение 16
Ночь в костеле 18
По полям и долам разрушенной Польши 20
Ночной обстрел 21
Польская картошка 23
Наше дальнейшее путешествие по Польше 24
В запертом вагоне 26
Конец путешествия 27
В лагере 28
Голодовка 33
Охота за белыми медведями 34
С утра до вечера 36
В часы безмолвия 37
Лагерные наказания 38
Зверь-человек 39
В первых лучах весеннего солнца 41
Перед отправлением на работы 42
В дороге — неизвестно куда 43
На новом месте . . . . . —
Первые столкновения 45
Тоска по лагерю 46
Забастовка 47
Опять в лагере 49
Новые веяния 50
Как жилось на других работах 53
Бегущие и возвращаемые 55
Мы и они 57
Механика лагеря 59
На перевале 1915 — 1916 гг. 60

Стр.

Неожиданный удар 61
После репрессий 62
Место, откуда никто не возвращался 63
Спасительница-брюква 65
Братушки 66
Посещение лагеря сестрой милосердия 67
Галеты Александры Федоровны 69
Черносотенная организация 70
Антисемитизм 71
Польские легионеры 73
Обреченные 74
Nicolas 76

Часть вторая.

Первые вести о революции в России 78
В дни революционных порывов и ожиданий 80
В революционные будни 82
В приемных покоях лагеря 85
Отголоски корниловщины 86
Октябрьские дни 87
На русском фронте перемирие! 89
Под шпагой генерала Гофмана 91
Тяжелые дни 94
Весной 1918 г. 96
Возвращение 98
Встреча 101

85 коп.

1925

